

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. Астафьева»

МОЛОДЕЖЬ И НАУКА XXI ВЕКА

**XIX Международный форум студентов,
аспирантов и молодых ученых**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТОРИСТИКИ

Материалы VIII Международной
научно-практической конференции
студентов, аспирантов и преподавателей

Красноярск, 25 апреля 2018 г.

Электронное издание

КРАСНОЯРСК
2018

ББК 88.52
С 691

Редакционная коллегия:

Н.В. Ковтун (отв. ред.)

С.Г. Липнягова

Т.А. Загидулина

И.В. Ревенко

С 691 Актуальные проблемы современной гуманитаристики: материалы VIII Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и преподавателей. Красноярск, 25 апреля 2018 г. [Электронный ресурс] / отв. ред. Н.В. Ковтун; ред. кол.; Электрон. дан. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2018. – Систем. требования: РС не ниже класса Pentium I ADM, Intel от 600 MHz, 100 Мб HDD, 128 Мб RAM; Windows, Linux; Adobe Acrobat Reader. – Загл. с экрана.

Материалы конференции предназначены студентам-филологам, педагогам, специалистам гуманитарного профиля и всем, интересующимся вопросами современного литературоведения, литературной критики, лингвистики, методики преподавания русского языка и РКИ.

ISBN 978-5-00102-204-6

ББК 88

ISBN 978-5-00102-204-6
(XIX Международный форум
студентов, аспирантов и молодых ученых
«Молодежь и наука XXI века»)

© Красноярский государственный
педагогический университет
им. В.П. Астафьева, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ЕВРОПЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА. ЖАНР. ОБРАЗ. МОТИВ.

О.А. Хасанов Личность писателя В.Я. Зазубрина в восприятии Виктора Петровича Астафьева	4
Ю.В. Сургутская Мотив полета в романе Е. Замятина «Мы»	10
Ю.Б. Кокоулина Эволюция образа раненого бойца в военной прозе В.П. Астафьева (от «Звездопада» к «Веселому солдату»)	13
А.И. Гонтарева Женщины и женское в повести Л. Улицкой «Веселые похороны»	20
Я.С. Стрелковская К вопросу о жанровом своеобразии романа Т. Толстой «Кысь»	24
А.В. Ветренко Образ прежних в романе Татьяны Толстой «Кысь»	28
К.А. Суровцева Приемы и функции абсурда в пьесах Артура Гиваргизова	32
Д.И. Первунина Рецепция традиций прозы И.С. Тургенева в романе Дж. Голсуорси «Остров фарисеев»	35

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ

А.А. Носкова Образ Красноярска в научно-популярной и краеведческой литературе	40
И.А. Захарова Ассоциативное поле «Столбы» в языковом сознании жителей Красноярска	43
О.В. Новичёнок Речевой жанр жалобы: факторы, формирующие содержание	46
Е.В. Третьякова Устаревшая лексика как средство стилизации в романе Марии Семёновой «Волкодав»	49
К.И. Габова Структурная типология заглавий в «Затесях» В.П. Астафьева	52
В.А. Филькова Лексические средства оценки в «Письмах о добром и прекрасном» Д.С. Лихачева	55

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И РКИ

Е.Н. Гордеева Использование текстов периодических изданий при обучении иностранному языку	58
Д.Н. Сорокина Эффективные методы и приемы формирования читательской грамотности в 5 классе	61
У.В. Сквородкина Использование песенного материала при разработке пособий по лингвострановедению	64
Жунь Кунь Этикетные аспекты функционирования местоимений в русском и китайском языках	67
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	70

ЕВРОПЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА. ЖАНР. ОБРАЗ. МОТИВ

ЛИЧНОСТЬ ПИСАТЕЛЯ В.Я. ЗАЗУБРИНА В ВОСПРИЯТИИ ВИКТОРА ПЕТРОВИЧА АСТАФЬЕВА

PERSONALITY OF WRITER V. ZAZUBRIN
IN V. ASTAFIEV'S PERCEPTION

О.А. Хасанов

O.A. Khasanov

Научный руководитель Н.В. Ковтун
Scientific adviser N.V. Kovtun

Астафьев В.П., Зазубрин В.Я., Колесникова Р.И., русская литература 1920-х годов, роман «Два мира», повесть «Щепка».

В статье представлено исследование отношения В.П. Астафьева к личности писателя В.Я. Зазубрина, который за девять лет жизни в Сибири (1919–1928) создал самые значительные свои произведения: роман «Два мира», повести «Общежитие», «Бледная правда» и «Щепка». Отмечены черты личности В.Я. Зазубрина, привлекавшие В.П. Астафьева: природная одарённость, честность, прямолинейность, обострённое чувство справедливости. Эти качества, по мнению Астафьева, в условиях тоталитарного сталинского режима привели В.Я. Зазубрина к гибели.

V.P. Astafiev, V.Ya. Zazubrin, R.I. Kolesnikova, the Russian Literature of the 1920ies, the novel «Two Worlds», the narrative «A Chip».

The article deals with the research of V. Astafiev's regard for the personality of the writer V. Zazubrin, who created his most significant works: «Hostel», «The pale truth», «A Chip» during his nine years life in Siberia. The author of the article chose some traits of V. Zazubrin's personality attracting V. Astafiev such as: natural gifts, honesty, straightforwardness, acute feeling of justice. According to V.

В сентябре 2006 года, когда в Красноярске проходили IV Астафьевские чтения, на конференцию из Томска приехала известный литературовед Р.И. Колесникова. Она обнаружила в рукописном отделе Ленинской библиотеки считавшуюся утерянной рукопись повести В.Я. Зазубрина «Щепка» [3, с. 66]. Во время работы секции «Феномен В.П. Астафьева» Р.И. Колесникова произнесла фразу, которая запомнилась яркой метафоричностью: «Зазубрин и Астафьев – две зари советской литературы. На утренней заре – Владимир Зазубрин и первый советский роман «Два мира»; на вечерней заре, на закате советской литературы – творчество Виктора Петровича Астафьева».

Р.И. Колесникова не случайно сблизила две писательские фамилии. Астафьев был свидетелем того, как в 1989 году сразу в трёх журналах: «Сибирские огни» (1989, №2), «Енисей» (1989, №1), «Наш современник» (1989, №9) – была опубликована повесть В.Я. Зазубрина «Щепка», более 60 лет пролежавшая «на полке». Познакомившись с «Щепкой», Астафьев остался под большим впечатлением и от содержания произведения, и от экспрессионистической поэтики, и от личности автора. Впечатление было настолько сильным, что Астафьев проштудировал второй том «Литературного наследства Сибири», целиком посвящённый жизни и творчеству В.Я. Зазубрина, и откликнулся на публикацию повести очерком «Пророк в своём Отечестве. О повести В.Зазубрина “Щепка”» (1991 г.).

По словам В.П. Астафьева, «повесть “Щепка” Владимира Зазубрина – это пророческое предсказание не только своей роковой судьбы, но и предвидение будущей доли своего несчастного народа, приговорённого вновьявленной миру властью умирать в каменных и духовных застенках во имя идей всеобщего мирового братства и светлого будущего, строительство которого должно было начаться с разрушения старого мира “до основанья” и вылилось в неслыханное насилие, в невиданную ломку праведного человеческого пути» [Астафьев, 2007, с.6].

Сама личность Зазубрина вызывала у Астафьева живой интерес. Под термином «личность» мы, согласно словарю С.А. Фридмана, будем понимать «совокупность свойств, присущих данному человеку, составляющих его индивидуальность; индивидуум» [Фридман, 2003, с.129]. Зазубрин внешне был красивым, ярким человеком, это отмечали даже мужчины: высокий, статный, густая борода «с антрацитовым блеском», живой, пылкий взгляд. По характеру – прямой, откровенный, с обострённым чувством справедливости, часто несдержанно-резкий («фирменная зазубринская резкость, которая была уже чертой характера, т. е. вещь неустрашимой (от которой он сам, может быть, и страдал)», – пишет В. Яранцев [Яранцев, 2010, с.174]). «Да, он бывал невоздержан и резок. Но более всего ему свойственна была доброта и отзывчивость, – вспоминала сестра Зазубрина Н. Каботова. – Он мог запросто снять с вешалки своё новое зимнее пальто и отдать его тому, кто в нём, как ему казалось, в тот момент больше нуждался. Я не помню случая, чтобы он, узнав о чьей-нибудь беде, не старался помочь. Я не помню его равнодушным и пассивным. Он всегда передо мной – большой, красивый, деятельно, горячо отстаивающий свои убеждения, до болезненности не терпящий мещанства и разгильдяйства, чуткий и внимательный к людям... И бесконечно жаль, что так рано ушёл из жизни человек, отдавший много сил борьбе за улучшение жизни советского народа» [ЛНС, 1972, с. 399].

«Все, кто видел и знал Владимира Яковлевича Зазубрина-Зубцова при жизни, – пишет В.П. Астафьев, – отмечают его диковатую красоту и могучность, а также широту искреннего характера, прямоту взглядов, глубокую самообразованность, исключительно богатую память и обострённую впечатлительность» [Астафьев, 2007, с. 7]. О том, что у Зазубрина была «исключительно богатая память», свидетельствует в своих воспоминаниях учащийся Бурятского педагогического техникума Геннадий Дагуров. Он был свидетелем чтения Зазубриным

своего романа «Два мира» в актовом зале Бурятского педагогического техникума. «Было поразительно, – пишет Г. Дагуров, – как может не профессионал-актёр такие большие прозаические тексты и так долго читать наизусть, нигде ни разу не запинаясь. <...> Мой друг Бардамов, сидевший рядом со мной, во время чтения следил по книге. Оказалось, что совсем не было отступления от печатного текста. Мы были поражены не только ярким талантом художника, но и его феноменальной памятью и артистическим чтением» [ЛНС, 1972, с. 428]. В интервью журналистам программы «Русские вечера» (документальный фильм «... Щепки летят», КГТРК «Центр России», 2000 г.) Виктор Петрович ещё раз отметил удивительную память Зазубрина: «Он мог по 15 – 20 страниц Толстого читать наизусть. <...> Но такого человека большевичИшки, которые там крутились около порога и не знали аз, буки, веди и глаголь, <...> конечно, терпеть не могли» [документальный фильм «... Щепки летят», 2000]. Жизнь Зазубрина привлекала В.П. Астафьева ещё и тем, что сама была похожа на приключенческий роман. В очерке «Пророк в своём Отечестве» Астафьев пересказывает заинтересовавшие его подробности зазубринской судьбы.

В. Зубцов, избравший себе творческий псевдоним «Зазубрин», родился в один год с Сергеем Есениным, в 1895 г., в семье железнодорожного служащего (сам Астафьев, как известно, учился в железнодорожном училище и перед уходом на фронт в 1942 г. работал на железной дороге). Отец В. Зубцова за участие в революционной деятельности 1905 года сидел в тюрьмах, а потом был выслан в Сызрань под гласный надзор полиции. Будущему писателю, по словам Астафьева, «кровь папина не давала покоя», Володя подрос и тоже стал участвовать в революционных событиях [документальный фильм «... Щепки летят», 2000 г.]. Юношу, обладавшего артистическим талантом перевоплощения, Сызранская организация РСДРП внедрила в жандармское управление с целью предупреждения арестов большевиков. Работа агентом царского охранного отделения впоследствии ставилась писателю в вину, несмотря на официальные разъяснения и полную реабилитацию.

В 1917 году при Временном правительстве В. Зубцов был призван на военную службу, стал курсантом сначала Павловского военного училища в Петрограде, а затем – Оренбургского военного училища, эвакуированного в начале 1919 г. в Иркутск. Так В. Зубцов оказался в Сибири, с которой у него связаны девять ярких лет жизни и творчества. Получив офицерские погоны и звание подпоручика, будущий писатель Зазубрин назначается в армию Колчака командиром взвода 15-го Михайловского добровольческого стрелкового полка, ведёт в войсках большевистскую агитацию и во время операции колчаковцев против Тасеевской партизанской республики убеждает солдат и офицеров своего и других взводов перейти на сторону красных. Вместе с тасеевскими партизанами входит в январе 1920 г. в Канск и там располагается на постой в доме Теряевых, где находит свою любовь. «Огромная шуба, высокая папаха, борода делали его старше, чем он был на самом деле, – вспоминала В.П. Теряева, студентка Омской сельскохозяйственной академии, ставшая впоследствии женой Зазубрина. – Поэтому мною он был встречен весьма почтительно и с большим интересом. Владимиру Яковлевичу было тогда двадцать четы-

ре года. <...> А на третий день наш партизан заболел. Вызвали врача, который всех нас лечил, устроили семейный совет – что делать? Врач сказал: “Сыпной тиф. Надо бы изолировать, но все больницы забиты больными. <...> Если кто-нибудь из вас сможет за ним ухаживать, то оставьте его у себя”. <...> Болел Владимир Яковлевич тяжело и не один раз находился на волосок от смерти. <...> Через месяц больной стал поправляться. Его переполняли впечатления короткой, но богатой событиями и переживаниями военной деятельности. Ведь за какой-нибудь год ему, насильно мобилизованному колчаковцами, пришлось побыть и в белой армии, и перейти потом к партизанам, и вместе с ними влиться в Красную Армию. Пережитое, увиденное, естественно, требовало выхода. <...> Я помню: зимний вечер, комната освещена только светом топящейся печки. Мы с Владимиром Яковлевичем сидим перед ней, и он рассказывает, говорит, как одержимый, со страстью, гневом и болью о том, что ему довелось увидеть и пережить. И так – вечер за вечером – было рассказано то, что позже легло в основу книги “Два мира”» [ЛНС, 1972, с. 401]. Этот эпизод из жизни Зазубрина постоянно вспоминает В.П. Астафьев, когда случалось говорить о судьбе автора «Двух миров» и «Щепки» [см. Астафьев, 2007, с. 7; документальный фильм «... Щепки летят», 2000 г.].

В 1923 году В. Зазубрин переехал в Новониколаевск (теперь город Новосибирск) и стал, по словам В.П. Трушкина, «собирателем литературных сил Сибири» [Трушкин, 1928, с.172], редактором журнала «Сибирские огни», автором повестей «Бледная правда», «Общежитие» и «Щепка». «Владимир Яковлевич с его организаторскими способностями, ярким талантом и редким человеческим обаянием пришёл тут в самую пору», – пишет Астафьев [Астафьев, 2007, с.7]. Однако в 1928 году группа «Настоящее», которая выделилась из Российской Ассоциации пролетарских писателей, повела ожесточённую травлю Зазубрина. Лидер «настоященцев» Александр Львович Курс в фельетоне «Кровяная колбаса» подверг разгромной критике зазубринский роман «Два мира».

В это тяжёлое время руку помощи писателю протянул А.М. Горький. По его настоянию Зазубрин переезжает из Новосибирска в Москву, где становится редактором журнала «Колхозник». Терять связь с Сибирью писатель не хотел: несколько раз ездил на Алтай собирать материал для своего последнего романа «Горы». Закончить его не удалось, так как в 1937 году в возрасте 42 лет Зазубрин был репрессирован.

Трагический финал во многом был определён характером отношения писателя с властью. Зазубрин был принципиальным человеком, честным коммунистом и часто говорил «сильным мира сего» нелюбезные вещи. Этим он напоминал самого Астафьева. В очерке «Пророк в своём Отечестве» Виктор Петрович рассказывает воспоминания сестры Зазубрина, которая свидетельствует, что её брат на встрече руководителей партии с писателями на квартире Горького не стал воздерживаться от резкостей. «Говоря о художественной правде, он в качестве примера, когда в произведении эта правда отсутствует, привёл «образ Сталина», который изображался некоторыми писателями не как живой человек, а как икона. “После этих слов, – рассказывал он, – я почувствовал некоторое замешательство,

потому что Сталин сидел рядом, и я понял, что, увлѣкшись, сказал лишнее...» [ЛНС, 1972, с. 399].

Астафьев в повести Зазубрина «Щепка» увидел совпадения со своим ощущением революционной эпохи, со своим пониманием проблемы «писатель и революция». «Да, автор «Щепки» особых иллюзий в отношении революции и новой жизни не питал, – пишет В.П. Астафьев, – по тяжкому опыту революционера и участника братоубийственной войны зная, что революции в белых перчатках не делаются, но революция, по его убеждению, не может быть безразлична к судьбе отдельного человека, она и делалась во имя человека, во имя сохранения лучшего в каждом человеке, однако и он, умный человек, запутывается в непролазных дебрях революционных деяний, в дремучей тайге оголтелой демагогии» [Астафьев, 2007, с.8].

Сам Виктор Петрович, поражѣнный масштабом личности этого писателя, скажет, что ему «давно следовало бы поставить памятник в Сибири» [Астафьев, 2007, с. 11]. До конца своих дней Астафьев радел за открытие в городе Канске музея В. Зазубрина в деревянном доме на улице Краснопартизанской, 105, когда-то принадлежавшем семье Теряевых, где писателем был создан первый советский роман о Гражданской войне «Два мира». В 1975 году по инициативе директора Канского краеведческого музея Г.И. Усольцевой на доме появилась памятная доска, но до сих пор вопрос об организации в этом доме зазубринского музея остаѣтся открытым.

В интервью журналистам программы «Русские вечера», готовившим документальный фильм о Зазубрине «...Щепки летят», Астафьев сказал: «Я был в Шотландии, мне показали сборник русской прозы. <...> Этот сборник русской прозы я открываю – как раз повесть «Щепка». А я всё думаю: а как же в Канскето, где он <Зазубрин – прим. О.А.Х.> начинал писать, где чуть не умер... Это же <...> по европейским меркам – великий писатель!» [документальный фильм «...Щепки летят», 2000]!

Таким образом, Виктор Петрович не избежал обаяния образа Зазубрина, который складывался из многочисленных свидетельств современников о нём, а также из впечатлений от зазубринских произведений: романов «Два мира» и «Горы», повестей «Бледная правда», «Общежитие» и – особенно – повести «Щепка». Это не удивительно. Под обаяние личности Зазубрина попадали многие, изучающие его жизнь и творчество: и Н.Н. Яновский с Р.И. Колесниковой, составлявшие 2 том «Литературного наследства Сибири»; и выдающийся литературовед из Новосибирска В.Н. Яранцев, выпустивший объѣмную монографию о Зазубрине в 2012 году [Яранцев, 2012]; и наш земляк Вениамин Боровец, автор книги «Зазубринские костры» [Боровец, 2001].

Список сокращений

1. ЧК (ВЧК) – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем.
2. ЛНС – Литературное наследство Сибири

Библиографический список

1. Астафьев В.П. Пророк в своём отечестве // Повесть В. Я. Зазубрина «Щепка» и её судьба : материалы к изучению курса русской литературы XX века. Красноярск : СибФУ, 2007. С. 6-11.
2. Боровец В.С. Зазубринские костры. Красноярск : Кн. изд-во, 2001. 224 с.
3. Колесникова Р.И. Рукописи не горят // Повесть В. Я. Зазубрина «Щепка» и её судьба: материалы к изучению курса русской литературы XX века. Красноярск: СибФУ, 2007. С. 64-71.
4. Литературное наследство Сибири : [сборник] / редкол.: Н. Н. Яновский (гл. ред.) [и др.]. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1969. Т. 2 : Художественные произведения, статьи, доклады, речи. Переписка / В. Я. Зазубрин. Воспоминания о В. Я. Зазубрине / [вступ. ст. Н. Н. Яновского и В. Трушкина]. 1972. 444 с.
5. Повесть В. Я. Зазубрина «Щепка» и её судьба : материалы к изучению курса русской литературы XX века / Сиб. федерал. ун-т; Ин-т естеств. и гуманитар. наук ; [гл. ред. и сост. Г. М. Шленская ; ред.-сост. Н. Я. Сакова]. Красноярск : СибФУ, 2007. 96 с.
6. Трушкин В.П. Восхождение: литература и литераторы Сибири 20-х начала 30-х гг. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1978.
7. Человек. Характер и поведение: Толковый словарь / Авт.-сост. С.А. Фридман. М. : Мнемозина, 2003. 430 с.
8. «...Щепки летят». Из цикла док. фильмов «Судьбы Сибири», 2000. URL: https://www.youtube.com/watch?v=gxat_xRA72M (дата обращения: 04.05.2018).
9. Яранцев В.Н. Зазубрин. Главы из книги. Сибирские огни. 2010. №12. С. 170-181.
10. Яранцев В.Н. Зазубрин: человек, который написал «Щепку». Новосибирск: РИЦ НП Союза писателей России, 2012. 751 с.

МОТИВ ПОЛЕТА В РОМАНЕ Е. ЗАМЯТИНА «МЫ»

THE MOTIVE OF THE FLIGHT IN E. ZAMYATIN'S NOVEL «WE»

Ю.В. Сургутская

Y.V. Surgutskaya

Научный руководитель Т.А. Загидулина
Scientific adviser T.A. Zagidulina

Авиатекст, антиутопия, Замятин, советская литература, мотив.

Анализируется влияние эпохи появления первых летательных аппаратов на произведение Е. Замятина «Мы». Цель работы – изучение взаимосвязи мотива полета и сюжета романа «Мы» Е. Замятина. Полет в произведении использовался не только как сюжетобразующий мотив, но и в метафоричном значении для описания внутреннего мира и чувств героев. Это объясняется влиянием на роман эпохи семиотизации феномена авиации.

Aviation text, dystopia, zamyatin, Soviet literature, motive.

The article analyzes the influence of the era of the appearance of the first flying machines on the work of E. Zamyatin “We”. The aim of the work is to study the relationship between the flight motive and the plot of the novel “We” by E. Zamyatin. The flight in the work was used not only as a plot-forming motif, but also in a metaphorical sense for describing the inner world and the feelings of heroes. This is due to the influence on the novel of the semiotic era of the phenomenon of aviation.

Начало 20-го века ознаменовалось глубокими изменениями в политической жизни нашей страны. Глобальная переделка государственных устоев существенно повлияла на литературу. Стремление к светлому идеалу коммунизма и желание лучшего будущего для всех привело к возрождению жанра утопии. У писателей утопического жанра появились надежды на изменение моральных и психологических свойств человека. Столкновение утопических представлений о коммунизме с реальностью привело к появлению антиутопических тенденций.

Утопия и антиутопия, по мнению Н.В. Ковтун, несмотря на их смысловое различие, представляют собой разновидности единой художественной структуры. Похожих взглядов придерживаются многие исследователи.

Одним из самых первых антиутопических произведений является роман Е. Замятина «Мы», написанный в 1920 году. Замысел романа Замятин вынес из наблюдений за жизнью английских мещан. Его поразило их механическое бытие, которое было рассчитано до совершенства. Он доводит до логического завершения идею построения коммунистического общества и показывает, что произойдет с обществом, которое отказывается от свободы личности в пользу коллективного счастья.

Изменения в начале 20-го века произошли не только в политике. Люди начинают осваивать новое пространство – небо. К этому событию человечество стремилось еще с древности, так как в большинстве верований небо – место существования высших существ. Т.А. Загидулина в своей работе рассматривает эволюцию взглядов и отношение к полету людей в контексте мировой культуры. Она прихо-

дит к выводу, что с развитием науки и техники коренным образом меняется не только отношение к полету (от невозможности полета – к необходимости), но и смываются границы между небом и землей, которые раньше были в четкой оппозиции.

Полет, превратившись в реальность, стал мощным источником вдохновения для писателей и поэтов различных направлений. Их поражал не только вид аэропланов, рассекавших небесное пространство, но и сам опыт полета. Некоторые сами становятся авиаторами, например В.В. Каменский. Он описывает свой первый полет на аэроплане как «божественное ощущение», столь необходимое поэту для творчества.

Европейская литература видела в аэроплане новый духовный смысл. Многие европейские поэты соотносили полет на аэроплане с религиозным полетом души. В русской литературе подобное отношение к авиации поддерживали, прежде всего, футуристы, которые видели в полете источник новой реальности. А также такие писатели, как Валерий Брюсов, Леонид Андреев и Александр Куприн. Но были и те, которые не разделяли этих взглядов, «указывая на чуждость истинной духовной жизни человека полету на аэроплане». Среди них можно выделить А. Блока, Андрея Белого, Д. Мережковского и др.

Время создания романа Е. Замятина «Мы» совпадает с периодом семиотизации феномена авиации, поэтому мы рассмотрели мотивы, связанные с полетом и с пребыванием человека в небесном пространстве, которые присутствуют в романе.

В качестве основного значения термина «мотив» мы взяли трактовку В.Е. Хализева. Он пишет, что мотив – это компонент произведений, обладающий повышенной смысловой значимостью. Мотив причастен теме и идее произведения, но не равен им. Он может быть отдельным словом, словосочетанием или вовсе уйти в подтекст.

В романе «Мы» полет совершается и в небесное, и в космическое пространство. Например, космический корабль «Интеграл», который является объектом поклонения жителей Единого Государства, строится для того, чтобы принести на другие планеты их идеологию. Именно с его полетом персонажи романа связывают разрешение всех проблем. Д-503 считал, что интеграл должен достичь иных миров, принести туда Благую весть о существовании Единого Государства и с помощью абсолютного знания, пересоздать, «интегрировать» Вселенную: «Вам предстоит благодетельному игу разума подчинить неведомые существа, обитающие на иных планетах – быть может, ещё в диком состоянии свободы. Если они не поймут, что мы несём им математически безошибочное счастье, наш долг заставить их быть счастливыми». Эта идея схожа с теми, которые выдвигал русский философ-футуролог Н.Ф. Федоров в конце 19 века. Фёдоров был уверен, что из наблюдателя космоса человек должен превратиться в его обитателя и правителя.

Но основной акцент в романе «Мы» направлен на небесный полет. Описывая пробный полет на Интеграле, Замятин указывает на невозможность пребывания Д-503 в своем теле. Он сравнивает полет с переходом человека в иной мир: «...как будто я, скорчившись последний раз, уже переступил неизбежный порог – и мое тело где-то там, внизу, а я несусь в новом мире...». Эти размышления происходят

именно в момент пребывания Д-503 в небесном пространстве. Подобное сравнение присутствует в рассказе Л. Андреева «Полёт». Там лётчик, отделяясь от земли, попадает в совершенно другой мир, другую стихию, где нет телесного существования. Мотив полета соотносится с мотивом очищения. Главный герой освобождает свой дух от плоти будто специально, обретая истинное жилище – небо. И теперь мыслит уже не его тело, а душа. Так же поступает и герой Замятина, оставляя свои земные проблемы внизу и предавая всего себя полету в новый мир.

Помимо Интеграла, в романе есть летательные аппараты аэро, они доступны всем жителям Великого государства. Но для Д-503 аэро – не просто машины, механизмы. Он их олицетворяет, человек для него – это механизм. И наоборот: механизм – это нечто живое. Д-503 сравнивает себя и свои чувства с аэро: «...перед расставанием она еще раз, секунду, коснулась меня вся – так аэро секундно, пружинно касается земли перед тем, как сесть». Тем самым Е. Замятин эротизирует полет. Юрий Левинг в своих исследованиях указывает, что подобное явление характерно для советской литературы 1920–1930-х годов.

Д-503 сравнивает с аэро и такое абстрактное понятие как история: «Человеческая история идет вверх кругами – как аэро». В этом суждении Д-503 указывает на спиралевидность исторического развития.

Но даже без упоминания аэро и Интеграла прослеживаются метафоры полета в описаниях душевных состояний героя: «Я отстегнулся от земли и самостоятельной планетой, неистово вращаясь, понесся вниз, вниз – по какой-то невычисленной орбите...». «Чуть выше летят облака, и так: будто не облака, а камень, и она сама на камне, и за нею толпа, и поляна – неслышно скользят, как корабль, и легкая – уплывает земля под ногами...»

Таким образом, авиация в значительной степени повлияла на восприятие пространства в начале 20-го века, и роман «Мы» – это один из примеров осмысления пространственных возможностей, создаваемых полетом. Описание полетов в романе взаимодействует с собранием литературных текстов, использующих темы авиации и полета, то есть с произведениями, в которых основную роль играют впечатления, связанные с пребыванием человека в воздушном пространстве.

Библиографический список

1. Желтова Е.Л. Культурные мифы вокруг авиации в России в первой трети XX века / Труды «Русской антропологической школы»: Вып. 4 (часть 2). М.: РГГУ, 2007, с. 163-193
2. Загидулина Т.А. Анализ трансформации моделей репрезентации пограничного состояния полета в свете культурологического подхода. Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. 2017. № 1 (39).
3. Ковтун Н.В. Русская литературная утопия второй половины XX века / Н. В. Ковтун. – Томск: Томский университет, 2005.
4. Левинг Ю. Латентный Эрос и небесный Сталин: о двух антологиях советской «авиационной» поэзии. НЛО. № 76, 2005 г.
4. Мароши, В. В. Дионисийские мотивы в литературной неомифологии авиатора / Культура и текст – 2005: сб. науч. тр. междунар. конф. Т. 1. С. 15–33.
5. Хализев В.Е. Теория литературы : учеб. для студентов вузов / В. Е. Хализев. – Изд. 4-е, испр. и доп. М.: Высш. шк., 2004.
6. Федоров Н. Философия общего дела. СПб., 1912. Т. 1.

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА РАНЕНОГО БОЙЦА В ВОЕННОЙ ПРОЗЕ В. П. АСТАФЬЕВА (ОТ «ЗВЕЗДОПАДА» К «ВЕСЕЛОМУ СОЛДАТУ»)

EVOLUTION OF THE IMAGE OF THE INJURED SOLDIER IN THE PROSE OF V. P. ASTAFIEV (FROM «STARFALL» TO THE «FUNNY SOLDIER»)

Ю.Б. Кокоулина

Y.B. Kokoulina

Научный руководитель Т.Н. Садырина
Scientific adviser T.N. Sadyrina

«Звездопад», «Веселый солдат», «раненый солдат», «эволюция образа», «трансформация стиля», «романтизм», «натурализм».

Цель настоящей статьи – сопоставительный анализ двух текстов прозаика В.П. Астафьева: фронтовой лирической повести «Звездопад», созданный в 1960 году в рамках «пермского» периода, и повести «Веселый солдат», написанной в 1997 в пределах «красноярского» этапа творчества. Раненый солдат-сибиряк – константа многих произведений на военную тему данного автора. Астафьев неоднократно воссоздает одни и те же факты своей фронтовой биографии, но трансформирует их в зависимости от этапов собственной творческой эволюции. Изменения художественной стратегии в разработке образа раненого бойца идут от романтического с элементами сентиментального, к суровому реализму с элементами натурализма. Меняется ракурс видения у героя-автора, в связи с этим эволюционирует и стиль описания госпитальных событий и концепции любви.

«Starfall», «Funny soldier», «injured soldier», «evolution of the image», «transformation of the style», «romantism», «naturalism».

The aim of the article is the comparative analysis of the text of the prosewriter of V.P. Astafiev: buttlefield lyrical novel « Starfall» had done in 1960 year within the «permskii's» period and novel «Funny soldier», had done in 1997 year within «krasnoyarsky's». The injured soldier-syberian man- is the constant of many books for military topic of this author. Astafiev many times remake the same facts of his own military biography, but transforms it according to the phases of his own artistic evolution. The changes of the artistic strategy in the development of the image of the injured is starting from romantic with elements of the sentimental to severe realism with the elements of naturalism. It is changing the way to character- author and according to this there is am evolution and style of the description of hospital's occasion and the concept of love.

...надо поменьше выдумывать. Ведь моя биография – это кладезь, который
«едва ли за жизнь вычерпаешь». Это литературное кредо В. П. Астафьев сформулировал еще на заре своего творческого пути. По мнению А.Ю. Большаковой, «речь шла не только о личной биографии, как таковой», но и о том, «как собственная судьба писателя вобрала историческую судьбу страны и нации. И это тяготение к реальности, к правде жизненного факта – сквозь все цензурные прегра-

ды и мифологемы официальной идеологии – стало путеводной звездой писателя на его непростом, противоречивом пути». Автор стремился не только запечатлеть военные события, отдав должное памяти тех, кто остается на поле боя, но и донести свою правду о войне. Рассказать, что война – это не только фронт, «где мы лишь тем и занимались, что без конца совершали героические подвиги» [21, с. 39].

Так, в рамках первого, так называемого «пермского» периода творчества писателя (1951–1969), происходит ощущение духовной близости Астафьева с другими авторами, литературными течениями, в том числе «военной прозой». Отталкиваясь от «лекал соцреализма», представители этого направления осуществляли «дегероизацию» и «деэстетизацию» феномена войны. Многим исследователям (П.А. Ланщикову, Ю.И. Яновскому, А.Н. Макарову) представляется, что именно В.П. Астафьев из всех представителей фронтовой плеяды, с наибольшей силой и страстностью продолжил эту линию движения к реальности и правдивости жизненного факта.

П.А. Гончаров считает, что «в прозе этого периода складывается характерная для писателя модель произведения о войне. Астафьев внимателен не столько к живописанию боев, сражений, сколько к изображению короткой фронтовой «передышки» [9, с. 45].

Именно о такой «паузе» идет речь в повести «Звездопад», опубликованной в журнале «Молодая гвардия» в 1960 году. Главный герой – Мишка Ерофеев, 19 лет от роду – оказывается в одном из кубанских госпиталей после боевого ранения. Т.В. Авдохина пишет, что критики 1970-1980-х гг. сходились в том, что все его произведения «образуют звенья истории героя, носящего различные имена, но человека одной и той же биографии». Действительно, Ерофеев – сибиряк-красноярец, воспитывался в детском доме, имел семь классов школьного образования, а далее учился на составителя поездов. В описании жизни раненого юного бойца из далекого красноярского края в пределах госпитального быта идет речь в более позднем «детище» писателя «Веселый солдат», состоящем из двух частей, одна из которых имеет название «Солдат лечится», где действие разворачивается в пределах того же топоса, что и в «Звездопаде». Данная повесть вышла в 1997 году в рамках третьего, «красноярского» периода (1980 – 2001) творчества писателя.

Повествование в обеих вышеназванных повестях ведется от лица «я-автора», однако в «Звездопаде» главный герой все еще носит свое собственное имя, в то время как в «Веселом солдате» уже происходит полное слияние рассказчика с протагонистом. Таким образом, писатель как будто снимает с себя обязанность прибегать к разного рода поэтическим приемам, литературным маскам, что позволяет говорить «о существовании в творчестве Астафьева «концептуального персонажа»- субъекта творчества, эквивалентного самому творцу» [9: 56]. Михаил из повести «Обертон», «варнак» из «Веселого солдата», Миша из «Звездопада» – герои, чья юность была «войной спаленная, в боях изжитая, в бреду в госпитальных палатах пропущенная. Автор не случайно упоминает о том, что каждый из этих юношей воспитывался в детдоме, т. е., акцентируя при этом внима-

ние на изначально внутреннем, скрытом конфликте их с государством. Однако наметившаяся «тенденция отрицания» еще в первом периоде писательской деятельности обретает свой истинный характер именно в рамках «красноярского» отрезка творческого пути Астафьева.

Снимая с себя обязанности прибегать к литературным маскам- присуждению главному герою своего «автономного» имени, писатель вступает в назидательный диалог, проникнутый пессимистичностью суждений. Так, отождествляясь с главным действующим лицом повести, в центре внимания он ставит вопросы идеологического характера, например, о расслоении внутри сталинского общества на «врагов» и своих», о «ценности и бесстыдном лицемерии» маршала Жукова, о жестокости и невнимании «народного маршала» к нуждам солдат. Автор часто называет коммунистический строй «преступным режимом», который вытравил последний оптимизм из некогда «веселого солдата». Монологи героя проникнуты негодованием, соседствующим с болью и горечью за свою страну и за ту участь, которую она в лице «руководителей» уготовила ее освободителю: *«Нас, солдат-вишивиков, такой же дезинфекции подвергли: вонь-то и срам постыдства войны прикрыли советской благостной иконкой, и на ней, иконке этой, этакий раскрасавец, этакий чопорный, в чистые, почти святые одеяния облаченный незнакомец, но велено было верить – это я и есть, воин победитель, которому чужды недостатки и военные слабости»* [2, с. 341]. Астафьев в лице протагониста буквально «кричит» о лицемерии, маской которого стыдливо прикрылась страна, предлагающая существовать в нечеловеческих условиях ее героям-освободителям.

В то время как в «Звездопаде, несмотря на всю трагичность положения, вызванного войной, главный герой, являясь одновременно объектом и субъектом описания, находится в том лирическом настроении, которое позволяет ему сделать признание своей Родине: « Я люблю свою страну, хоть и не умею сказать об этом» [4, с. 201].

По мнению П. А. Гончарова, «в повестях Астафьева 90-х годов происходит «ревизия» прежних ценностей». Он полагает, что причина подобной трансформации кроется в изменении политической конъюнктуры в стране в начале 90-х годов: «ослабление идеологического влияния на писателей в целом, падение цензуры, публикация эмигрантских книг – все это сделало остроту многих произведений подцензурной литературы мнимой или недостаточной, побудило их авторов к быстрому уточнению и изменению собственных общественных и эстетических позиций» [9, с. 53]. Таким образом, «апокалиптические» настроения, пришедшие на смену романтическому мировосприятию главного героя «Звездопада», как результат эмоционально-психологического резонанса, вызванного процессом разрушения старых идеологических стереотипов, отозвался как на эволюции военной прозы Астафьева в целом, так и на эволюции анализируемых в данной работе персонажей его повестей, в том числе, второстепенных.

Писатель по-прежнему не отказывается от использования в своих текстах образов реальных людей, которыми был окружен в процессе воинских странствий:

«Все фамилии и имена я сохранил в доподлинности – уж понравится кому или не понравится, но иначе не дает мне поступить память» [2, с. 435]. С годами память автора «выцепляет» все более «колкие» эпизоды солдатской жизни, например, муки перед смертью своего сослуживца Пети Сысоева, его же по острому языку приятелей, – Стеньки Разина, представленного некогда к ордену Славы: *«Измаявшись в подвальном помещении госпиталя и измаяв криком медперсонал, он медленно и трудно расстался с жизнью. И когда смолк – все облегченно вздохнули, словно бы свалили неудобную, надоевшую поклажу с плеч»* [2, с. 450]. Усиливается общее пессимистическое настроение повествования, натуралистические подробности в описании жизни госпиталя уже не укладываются в одном абзаце и становятся все более «едкими»: *«Вася Саратовский с повреждением плечевого сустава, заключенный в огромный, с черными неуклюжий гипс, метался со взнятой впереди себя рукой..», «черви вылезали из-под под гипса, ползали по его исхудалой шее с напрягающимися от боли жилами. Утром, давленных и извивающихся мутнобелых этих червей с черными точками головок, мы сметали с постели, обирали с гипса и выбрасывали в окно, где уже стаями дежурили приученные к лакомству воробьи»* [2, с. 476]. Сослуживцы, взломав дверь в перевязочную, самостоятельно достали марганцовку и перебинтовали Васю новым бинтом, чем впоследствии заслужили гнев начальства.

Одним из ключевых звеньев в развитии «сниженного» образа солдата является упоминание об итоге жизни «опытного вояки», бывшего разведчика, удостоенного двух орденов Славы, «Красного знамени» и «еще без ленточки, старых, полученных в сорок первом году, множества других орденов, медалей, даже ордена английской королевы и Люксембургского знака»: *«Ваня Шангин проживет всего несколько лет после демобилизации, будет торговать семечками и табаком на базаре, пить, куролесить, чаще и чаще падать в припадках в базарную, шелухой замусоренную пыль, в лужи, оранжевые от примесей химии с ферросплавного завода и однажды не очнется после припадка, захлебнется в луже»* [2, с. 476]. Уничтожение образа героя советской действительностью – одна из мажорных тем в повести – подчеркивает ее автор путем ввода «рафинированных» и порой нелецеприятных подробностей есть неотъемлемая часть формирования нового видения военного человека по сравнению с тем, который был представлен в «Звездопаде». В этой повести Астафьев намеренно избегает «сгущения красок», в ней редуцировано описание процесса пребывания солдат на лечении: мы знаем, что Рюрик Ветров, командир минометного расчета, с которым наиболее тесно «сдружился» Ерофеев, «бредил по ночам» ввиду непроходящих кошмаров о боевых буднях, однако он не остается «год гнить в госпитале» и комиссован домой «от незатягивающейся дырки в плече». «Шестопалова, старшего сержанта, моего соседа – «дэрэвьяного», Колю-азейбайджанца и еще много кого выписали из госпиталя и отправили на пересыльный пункт».

Мы придерживаемся точки зрения П. Фокина, который утверждает, что первая часть повести «Веселый солдат» буквально пронизана матершинщиной. Фронт, война, госпиталь, сволочной быт советской действительности – как тут

обойтись нормальной речью. «Слова выскакивают от злости» [20]. Действительно, присутствие мотива «агрессии» и – как методов его реализации путем введения в ткань произведения нецензурной лексики и утрированности «физиологичности» описаний – отличает вышеназванную книгу от «Звездопада».

«В. Астафьев предельно часто в прозе 90-х годов романтизации войны проти-вопоставляет вызывающий отвращение к войне натурализм. Натурализм образный, «предметный» в качестве «цепной реакции» спровоцировал в романе и повестях натурализм стилистический, языковой. По мере уменьшения дистанции между персонажем и автором самоограничения автора в плане включения нелитературной лексики у Астафьева сокращаются», – пишет П. А. Гончаров [9, с. 32]. Например, ее мы можем услышать и в бранной речи Анкудина Анкудинова, бойца из «львовской артиллерии», в сторону госпитального «начальства»: *А, с-сука- а тварь... Наворовалась за войну, ...блась досыта*; *словами главного героя в характеристике того же самого «руководства»: «Ну я – блядь! Рукводящая блядь! И горжусь этим. И презираю вас, вишвоту серую...»* – и в речи многих других второстепенных героев (руководитель “хвилиала” от “солдатских масс» Черевченко, замполит госпиталя Владыко).

«Трагедия постоянно смешивается с комедией, что задано уже самим названием повести. Но комедия здесь отнюдь не смешливая, а жгучая», – считает В. А. Карнюшин [13, с. 500]. Пафос трагикомичности выражается в преобладании на страницах повести солдатского фольклора именно с элементами «матершинщины». Языковая игра с обсценной лексикой является «средством усиления изображения абсурдности войны» на стилистическом уровне и защищает от отчаяния, примиряет с жизнью на эмоционально-образном уровне.

Согласно мнению П.А. Гончарова, «падение» литературной и иной цензуры на рубеже 80–90-х годов создало и для В. Астафьева значительный соблазн пренебречь традиционно принятыми и усвоенными писателем рамками словоупотребления. Сыграло свою роль (как соблазнительный образец), вероятно, пристрастие литературного андеграунда, вышедшего к тому времени из подполья, к эпатажирующим выражениям».

Значительную роль сыграл и ненадежный писательский «быт» этого времени, его финансовая неустроенность на фоне конъюнктурной склонности многих журналов и издательств к «вольностям» языка и стиля. Так, в письме к Астафьеву В.Я. Курбатов в 1991 году пишет: «Вот уже три месяца живу в долг. И спросить не с кого». Астафьев этой поры тоже далек от благополучия. Чуть позднее, в 1993 году, и он признается: «Собрания-то мои сочинений, бодро начавшись, замирают тихо из-за обваль-ных цен, а жить надо. Гена (Г.Сапронов, издатель) предложил мне хороший гонорар». Таким образом, стилистическая и иная «ангажированность» изданий 1990-х годов побуждала авторов, в том числе В. Астафьева, к разного рода «вольностям», которые впоследствии будут центром внимания многих исследователей.

Разница реализации мотива любви в обеих повестях, на наш взгляд, является еще одним аргументом в пользу существенной эволюции образа солдата –

от «Звездопада» к «Веселому солдату». Любовь главного героя первой, изображается в жанровой модели «фронтовой лирической повести» [21, с. 39]. А.Н. Макаров отмечает: «такого изображения первой любви в литературе действительно не было: развитие стыдливого и окрыленного чувства... передано так непосредственно, с таким возвышающим душу реализмом, что «Звездопад» можно ставить в ряд самых поэтических произведений на эту тему».

На смену данной концепции в «Веселом солдате» автор стремится раскрыть обратную сторону этого понятия: его биологичность. Мотив любви как «романтического и светлого чувства» больше не интересует Астафьева, несмотря на то, что в вышеназванной повести присутствует короткий эпизод «искры» между главным героем и санитаркой санпоезда, однако в итоге не получающий сюжетного развития.

Как пишет П.А. Гончаров, «повышенное внимание к Эросу, его сексуальному выражению можно проследить на протяжении всей повести [9, с. 78]». Действительно, главный герой является либо свидетелем сцен интимного характера (эпизод в поезде между медсестрой Клавой и одним из офицеров), либо сам является их центром: «На этот раз обласкала меня Ольга, уборщица из госпиталя» [4, с. 412]. Автор не избегает деталей в описании: *«Обмывши меня, она провела меня в пристенок, уложила на кровать, дала поспать и сама осторожно, приподняв одеяло, легла под него. Я дрожащим телом почувствовал, что она в одной рубашке, более на ней ничего нет, и подумал, что так ведь поступают женщины, по рассказам бывалых мужиков, определяясь в супружескую постель. Деваться было некуда. Оля же еще и обняла меня и зашептала на ухо какие-то нежности, какие – не помню»* [4, с. 418].

Таким образом, нам представляется, что ввиду выбранной модели и способа ее реализации в «Звездопаде» писатель ставит задачу сформировать образ главного, раненого молодого солдата, в условиях войны переживающего «сердечное» чувство, страдая от невозможности совместить две роли – солдата и простого влюбленного юноши. В «Веселом солдате» мотив любви как «нежного» чувства отсутствует, сменяясь целью показать его вторичность в жизни военных людей, но раскрыть его существование уже в другом преломлении.

Таким образом, в результате сравнительного анализа ранней фронтовой лирической повести «Звездопад» и более поздней повести «Веселый солдат» мы пришли к следующим выводам: Астафьев неоднократно воссоздает одни и те же факты своей военной биографии (ранение, госпитальная среда, отношения с медицинским персоналом, фронтовыми товарищами), но трансформирует их в зависимости от этапов собственной творческой эволюции (возраст автора, влияние изменения социокультурной конъюнктуры, динамики историко-литературного процесса и политической ситуации в стране). Трансформация художественной стратегии в разработке образа раненого бойца идет от романтического, с элементами сентиментального, к суровому реализму с элементами натурализма. Меняется ракурс видения у героя-автора, в связи с этим эволюционирует и стиль описания госпитальных событий и концепции любви.

Библиографический список

1. Авдохина Т.В. Черты автобиографизма в прозе В.П. Астафьева // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 10.
2. Астафьев В.П. Веселый солдат. СПб.: Торгово-издательский дом «Амфора», 2015. 542 с.
3. Астафьев В.П. Жизнь и творчество: библиограф, указ. произвед. пис. на рус. и иностр. яз.: Литература о жизни и творчестве. К 75-летию со дня рождения//М.: Пашков дом, 1999. 235 с.
4. Астафьев В.П. Звездопад // В. Астафьев. Военные страницы. Повести и рассказы. М.: Молодая гвардия, 1987. 35 с.
5. Барина Т.Н. Военные произведения В.П. Астафьева в освещении критики// Вестник московского государственного областного гуманитарного института. 2012. №2. С. 5–7.
6. Башкова И.В. Бранное слово в поздней прозе В.П. Астафьева // В мире научных открытий. 2014. №5. С. 627–628.
7. Большакова А.Ю. Астафьев В.П. // Русские писатели XX века. Биографический словарь. М.: Рандеву, 2000. С. 25–31.
8. Гончаров П.А. От «Печального детектива» к «Веселому солдату»: стилевые доминанты прозы В. Астафьева // Вестник ТГУ. №1. 2002. С. 37–40.
9. Гончаров П.А. Творчество В.П. Астафьева в контексте русской прозы второй половины XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2004.
10. Гончаров П.А., Гончаров П.П. «Хорошая девочка Лида»: о некоторых особенностях антропонимикона В. Астафьева // Научный форум: Филология, искусствоведение и культурология: сб. ст. по материалам II Междунар. науч.-практ. конф. 2016. № 2. С. 22–30.
11. Зубков В.А. Виктор Астафьев в конце XX века: эволюция прозы // Современная русская литература: проблемы изучения и преподавания. Пермь, 2003. С. 85–86.
12. Игнатова Г.М. В.П. Астафьев: Проза войны // Литература в школе. 2006. № 5. С. 35–39.
13. Карнюшин В.А. Трагикомический пафос повести В.П. Астафьева «Веселый солдат» // Первые Астафьевские чтения в г. Красноярске. Красноярск, 2009. С. 499–503.
14. Курбатов В.Я. Крест бесконечный // Астафьев В.П.: Письма из глубины России. Иркутск, 2002.
15. Климова Т. «Веселый солдат В. Астафьева» в парадигме «человекомерности» и «человекомирности». Русский традиционализм. История, идеология, поэтика, литературная рефлексия: монография // отв. ред. Н. В. Ковтун. М.: Флинта, 2016. С. 249–254.
16. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы. В 2-х тт. Т. 2. М., 2006. 447 с.
17. Новокрещенова И.Л. Типология социального насилия в творчестве В. П. Астафьева о Великой Отечественной войне // Вестник ТГУ. 2012. №5. С. 85.
18. Садырина Т.Н. Онтологическая проблематика главных произведений В. Астафьева 60–70-х годов // Первые Астафьевские чтения в г. Красноярске. Красноярск, 2009. 217 с.
19. Слободжанинова Л. Виктор Астафьев на Урале// Журнальный зал. 2004. № 5.
20. Фокин П. Виктор Астафьев. Веселый солдат// «И с отвращением читая жизнь мою...». Новый мир. 1998. №6.
21. Чалмаев В.А. Исповедальное слово Виктора Астафьева // Литература в школе. 2005. №4. 39 с.

ЖЕНЩИНЫ И ЖЕНСКОЕ В ПОВЕСТИ Л. УЛИЦКОЙ «ВЕСЕЛЫЕ ПОХОРОНЫ»

WOMEN AND WOMEN'S IN THE STORY OF L. ULITSKAYA «THE FUNERAL PARTY»

А.И. Гонтарева

A.I. Gontareva

Научный руководитель Н.В. Ковтун
Scientific adviser N.V. Kovtun

Современная русская проза, миддл-литература, поэтика, Улицкая, веселые похороны.

Статья посвящена анализу поэтики повести Л. Улицкой «Веселые похороны» (1992–1997). Рассматривается система женских образов в контексте триумvirата женщины Серебряного века. Выявляется авторская стратегия реализации женских образов в структуре произведения.

Contemporary Russian prose, middle-literature, poetics, female image, Silver age, color symbolism, Ulitskaya, The Funeral Party.

The article is devoted to analysis of the poetics of the novel of L. Ulitskaya's "The Funeral Party" (1992-1997). We consider the system of women's images in the context of a triumvirate of women of the Silver age. The author reveals the strategy of realization of female images in the structure of the work.

Людмила Улицкая – один из ярких представителей миддл-словесности, ее произведения интересны и профессионалам, и массовому читателю [1, с. 14–25]. Ранние тексты, к которым относится повесть «Веселые похороны», отмечены чертами неосентиментализма. Исследователи отмечают, что интертекстуальность (как один из признаков неосентиментальной прозы) обыгрывается Улицкой провоцированием «не на узнавание конкретных источников классики, но ассоциациями с широкой традицией» [2, с. 123], которые возникают у читателя «искушенного», читающего «между строк». В этом писательнице помогает прием иронии, часто соседствующий с пародией, который, однако, рождает нечто иное, «своего рода герменевтику» [7, с. 235].

В предлагаемом ракурсе интересным становится рассмотрение женских образов повести, в которых исследователи усматривают связь с поэзией Серебряного века: «Автор и сам не скрывает интертекстуальных швов произведения. Повесть подсвечена сюжетами античной и библейской мифологии, мировой классики, поэзии эпохи модерна» [4, с. 211].

Основной сюжет повести – «Три жены/ возлюбленных». Суть его заключается в том, что жизнь главного героя – художника Алика – в равной степени определяют отношения с тремя женщинами одновременно или последовательно, овладение девами становится для героя своего рода покорением пространства: Алик

«быстро обжигал новые места, узнавая их закоулки, подворотни, опасные и прекрасные ракурсы, как тело новой любовницы» [6, с. 38]. Триада женских типов в повести может иметь различные источники происхождения. Это могут быть варианты «три жены: первая – от Бога, вторая от людей, третья – от дьявола» («Жизнеописание Михаила Булгакова»), <...> или жена венчаная – своего круга, истинная возлюбленная – «беззаконная комета», жена невенчаная – «из простых» (Б. Пастернак, «Доктор Живаго»)» [2, с. 127].

Стоит отметить, что женские образы в тексте несамодостаточны, история каждой из героинь определена встречей с художником. Ко всем своим женщинам Алик относится с благоговением, как «третейский судья», он любит всех одинаково: *«Всех их он звал зайками и кисками»* [6, с. 29]. Знаменательной в произведении становится цветосимволика (антиномия красного и черного), сопровождающая персонажей в ходе повествования: повседневная одежда жены Алика – Нинки – черное кимоно, на похоронах она предстает в образе «черной невесты»; в черном трико выступает акробатка Ирина, ее голову украшает черный бант; «в черной гуцульской курточке», скрывающей красное белье, Алика встречает Валентина. В этом отношении очевидно, что «произведение Л. Улицкой напрямую соотнесено со стихотворением В. Брюсова «Три женщины – белая, черная, алая стоят в моей жизни...» (1912) [2, с. 127]. При этом контраст женских образов (алая – Валентина, черная – Ирина, белая – Нина) обнаруживается как на уровне поведения и образа жизни героинь, так и на уровне внешних признаков.

Вариант «жены венчаной/ своего круга» реализуется в образе «черной» Ирины:

*«Проходит в надменном величии черная
И требует знаком идти за собой.
А, строгая тень! уклоняйся, упорная,
Но мне суждено для тебя быть судьбой...»* [3, с. 535].

Внешность героини отмечена «журнальной безукоризненностью» и переключается с описанием клерков, которых встречают Алик и Валентина после ночных прогулок по рынкам. Если герой-художник «пишет сценарий» для жизни других образов, то Ирина Пирсон определяет жизнь его самого, решает его проблемы, и до конца не может дать себе отчет – почему. Судьба Ирины становится пародией на биографию А. Ахматовой. Исследователи отмечают: если «изъять из жизни Ахматовой стихи и изменить пропорции остатка – получится судьба Ирины» [2, с. 139]. Подчеркнуто сходство в «жизненной ловкости» поэтессы и героини повести Л. Улицкой (закурить от искры паровоза за неимением спичек), их обучение на юридическом факультете в молодости, особенности характеров – гордыня: «А ты думал, я тоже такая...» – у Ахматовой, и у Ирины – «старое злое пламя вспыхнуло в ней, но сразу же и погасло» [6, с. 10].

Вариант «истинной возлюбленной/ беззаконной кометы» воплощается в образе «белой» Нины, которую «маркируют черты безумной Офелии и Марии Магдалины», её волосы – «золото с серебром» – очень длинные, покрывающие тело, создающие иллюзию сияния/нимба над головой.

*«Но клонится с тихой покорностью белая,
Глаза ее – грусть, безнадежность – уста.
И странно застыла душа онемелая,
С душой онемелой безвольно слита...»* [3, с. 535]

Положение героини у ног избранника, которого она пытается спасти целебной настойкой из трав, отсылает к образу Магдалины. Только Нина сохраняет веру в спасение возлюбленного до конца, когда уже всем становится ясно, что Алик обречен: «Они ничего, ничего не понимают. Никто ничего не понимает, Алик. Они просто ни во что не верят. А я верю» [6, с. 154]. «Белая» героиня покоряет героя-художника своими несчастьями/ печальностью и порой немощностью. Она, как и «белая» Яся в повести Л. Улицкой «Сонечка»: *«была из породы маленьких беззащитниц, которым так и хочется на пальчик надеть камушек, а на зябкие плечи – манто...»* [2, с. 134]. Нина *«чисто Офелия. А защита – как у хорошего боксера: ничего не хочет знать <...> она живет вне реальности, а он ее безумие всегда собой прикрывал* [6, с. 60]. Здесь необходимо отметить, что в русской литературе «Офелия отделилась от Гамлета, стала особым женским типом, привлекающим внимание поэтов как таковой» [2, с. 135].

Третий вариант женщины – «жены невенчаной / из простых» (по типологии Б. Пастернака в романе «Доктор Живаго»), которая в канве произведения играет роль любовницы художника, реализуется в образе «красной» Валентины:

*«Сгибается алая хищной пантерой
И смотрит обманчивой чарой зрачков,
Но в силу заклятий, знакомых мне, верую:*

За мной побежит на свирельный мой зов...» [3, с. 535], чья подчеркнутая «русскость» становится пародией «западности».

Этот персонаж ориентирован на поэтический стереотип «русской женщины» – той, которая «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». Внешность героини также не вписывается в западный канон красоты. Однако судьба Валентины альтернативна признанному канону. «Трагедия русской женщины – при всех своих незаурядных достоинствах – увянуть, погибнуть, прожить тусклую жизнь, не получив ничего, именно за счет места рождения (Ф. Тютчев в ст. «Русской женщине», 1850)» [2, с. 133]. Валентина, жившая по этому канону в России, оставшись брошенной возлюбленным-диссидентом при самых неприятных обстоятельствах, в эмиграции же по-новому открывает мир и реализовывает себя. Линия Валентины маркирована ярко-красной цветовой гаммой, что указывает на связь образа с богиней плодородия – Кибелой [5, с. 75–85]. Она изучает табуированную лексику, может танцевать на углях, «подобно ведьме». Общение с художником осуществляется в процессе путешествия героев по ночным кабакам и рынкам («чрево города»): *«Слушай, это просто как в сказке! – восхищалась Валентина»* [6, с. 134]. «Невенчаная жена» на отпевании стоит позади «белой» вдовы *«со свечой в снопе пыльного света, шедшего с потолочного окна», и сама себе отпускает «грех своей любви к чужому мужу»* [6, с. 167].

Образы героинь показаны в повести через восприятие разных лиц – с позиций нарратора, возлюбленного, представителей церкви, друзей. Ни одна из точек зрения не имеет значения абсолютной истинности, они максимально субъективны. Однако это и дает читателю возможность прочесть каждый из образов по-своему: находить коды литературных традиции различных эпох (мы, в частности, говорим о традициях изображения женщин в поэзии Серебряного века) или прочесть повесть как увлекательную историю «для досуга».

Библиографический список

1. Богданова О.В., Ковтун Н.В. Коммуникативные стратегии в «Миддл-литературе» рубежа XX–XXI вв.: случай Л. Улицкой // Вестник СПбГУ. Серия 9. 2014. № 1. С. 14–25.
2. Бологова М.А. Современная русская проза: проблемы поэтики и герменевтики: монография. Новосибирск: НГУ, 2010.
3. Брюсов В. Избранные сочинения. В 2 томах. М.: Изд-во Гослитиздат, 1955. С. 786.
4. Ковтун Н.В. Игра как способ миропостижения в повести Л. Улицкой «Веселые похороны» // Русская литература. 2013. № 1. С. 210–217.
5. Ковтун Н.В. Мифология поиска истины в раннем творчестве Л. Улицкой // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2013. № 6. С. 75–85.
6. Улицкая Л. Весёлые похороны: повесть. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 192 с., илл.
7. Улицкая Л. «Принимаю все, что дается» // Вопросы литературы. 2001. №1. С. 234.
8. Ulitskaya Liudmila. The Funeral Party. New York: Schocken Books, 2001.

К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОМ СВОЕОБРАЗИИ РОМАНА Т. ТОЛСТОЙ «КЫСЬ»

THE GENRE ORIGINALITY OF THE NOVEL BY T. TOLSTAYA «KYS»

Я.С. Стрелковская

I.S. Strelkovskaya

Научный руководитель Н.В. Ковтун
Scientific adviser N.V. Kovtun

Утопия, антиутопия, Т. Толстая, «Кысь», проза.

Жанровая природа романа Т. Толстой «Кысь» – один из самых дискуссионных вопросов в современном литературоведении. Текст определяют как утопию, антиутопию, фантастику, постантиутопию и т.д. В данной статье отражены основные точки зрения на природу романа «Кысь».

Dystopia, potentiate, Fat, kitty, prose.

The genre of *The Slynx* by Tatyana Tolstaya is one of the most debatable points of modern literary criticism. The text is classified as a utopia, dystopia, science fiction, post-dystopia, etc. The article is focused on the general points of view on the definition of the genre of the novel.

Одной из основных проблем XX века является переосмысление человеческой жизни в координатах неклассического миропонимания. Последнему в литературе соответствуют определенные жанровые формы, радикально новые или же подвергшиеся трансформации старые жанры. Таким знаковым жанром стала сегодня антиутопия, пользующаяся в ушедшем столетии популярностью.

Т. Толстую относят к «новой волне» в литературе. По мнению экспертов, автор является одним из самых ярких представителей «артистической прозы», уходящей своими корнями к «игровой прозе» М. Булгакова, Ю. Олеши, которую отличают шутовство, пародийность, эксцентричность авторского «я» [11, с. 40]. Один из самых спорных вопросов – определение жанра романа Т. Толстой. Одни относят «Кысь» к утопии, другие считают текст ярким примером антиутопии, а третьи настаивают на жанровом своеобразии и называют «Кысь» постаутопическим произведением [6].

Т. Толстая писала «Кысь» с 1986 года. Как отмечает автор, замысел романа – познание «души русской» [Толстая, 2004.] Мнения критиков по поводу природы текста разделились: Ю. Латынина, Б. Парамонов, А. Немзер определяют роман как «антиутопию». Противоположную точку зрения отстаивают Н. Иванова, Н. Лейдерман, А. Воробьева. По их мнению, «Кысь» «никакая не антиутопия». Третья группа исследователей предлагает рассматривать жанр романа как амбивалентный, или двойственный. Они стоят на той позиции, что текст Т. Толстой может быть как утопией, так и антиутопией, ибо утопия всесильности поэтиче-

ского слова остается неизменной [4, с. 69] Основопологающим признаком антиутопии считается историоризация утопии [5]. Отсюда личностное разочарование героя, ставшего свидетелем воплощения утопического проекта. В романе Т. Толстой, однако, все уже случилось: «Большой взрыв» произошел, герои уже ничего не строят, они пытаются либо выжить, либо наилучшим образом устроиться в мире «перерожденцев», «ржави» и «хлебеда».

Жанр романа определяется Ю. Латыниной как «антиутопия». Одним из оснований служит тот факт, что Т. Толстая описывает жизнь после катастрофы, а «писать про жизнь после катастрофы или возле катастрофы в XX веке привычно, и сочинения эти традиционно числятся по ведомству научной фантастики или ее почти независимого подвига, именуемого антиутопией» [7, с. 76]. Борис Парамонов в статье «Толстая вне ксерокса» [Парамонов, 2002] рассуждает о том, что «Кысь» можно рассматривать как своеобразный «роман начала»: не только как возможного начала нового этапа творческой деятельности автора, но и как отражение ментального, духовного начала российского общества. Подтверждает данную сентенцию и то обстоятельство, что в оглавление романа Т. Толстая вводит «начало начал» – азбуку. Книга состоит из глав, поименованных названиями букв церковно-славянской азбуки: Аз, Буки, Веди, Глаголь, вплоть до финальной Ижицы.

Среди тех, кто не принял «Кысь», К. Степанян, противопоставивший роман блистательным рассказам Толстой. Критик утверждает, что в романе «точка зрения автора переместилась: она стала наблюдать своих героев снаружи, они стали для нее объектом, объектом иронии. Отсюда и «головное» построение ее антиутопии (и по замыслу, и по структуре), и холодная издевка над узнаваемыми или типизированными личностями, ситуациями, образами отечественной истории, и бесцветный, лишь иногда сверкающий блестками-напоминаниями о прежнем великолепии, язык» [13, с. 66].

Н. Лейдерман и М. Липовецкий утверждают, что «Кысь» не антиутопия. Одним из признаков, доказывающим это, является нарушение основного принципа метажанра антиутопии – в романе нет прогноза будущего. Наоборот, на протяжении всего повествования происходит отсылка к прошлому в диалогах героев. Лев Львович и Никита Иванович постоянно пьют за «возврат к истокам». [8, с. 685]. В своей статье Н. Иванова утверждает, что Т. Толстая пишет не очередную антиутопию, а пародию на нее. По ее словам, автор романа соединяет антиутопию «интеллектуальную» «с русским фольклором, со сказкой», «научную фантастику со «жгучим» газетным фельетоном» [2, с. 220].

Сторонники точки зрения, что роман «Кысь» – постутопическое произведение, утверждают, что текст Т. Толстой – пример жанровых трансформаций и синтез утопических и антиутопических черт. Б. Кузьминский называет «Кысь» «ретроантиутопией»: «Ретро – потому, что роман был начат (да, похоже, и вчерне написан) в постчернобыльские годы, когда угроза атомного апокалипсиса казалась донельзя насущной, в газетах публиковались страшилки о курах-мутантах, и 7 ноября у кремлевских стен еще вполне официально проводился парад» [6].

Н. Щедрина подводит своеобразный итог дискуссиям и справедливо отмечает, что в «Кыси» «продемонстрированы неограниченные возможности современных жанровых трансформаций в зависимости от творческих задач автора» [15, с. 255].

Отдельная глава посвящена прозе Т. Толстой в монографии О. Богдановой «Постмодернизм в контексте современной русской литературы (60–90-е годы XX века – начало XXI века)». Исследователь определяет роман «Кысь» как «сложный лингвистический эксперимент», в ходе которого «финальная сентенция автора о неумении (современным) человеком читать книги разрушает логику зависимости слова от книги, мировоззрения от воздействия литературы». Н. Ковтун в статье «Русь «постквадратной» эпохи (К вопросу о поэтике романа «Кысь» Т. Толстой)» утверждает, что «Кысь» об истории освоения русскими утопических пределов, о цене подобной «эмиграции». Текст обыгрывает мотивы, темы, образы классической утопии/антиутопии, ассоциируется с произведениями Н. Гоголя, М. Салтыкова-Щедрина (тема любви простого народа к власти), Ф. Достоевского (мотив своеволия, образ Великого Инквизитора), Е. Замятина, В. Набокова (тема письма), здесь очевидна перекличка с образами Телемской обители Ф. Рабле и общества-зверинца Д. Оруэлла. Мир Т. Толстой в соответствии с метажанром утопии (утопия как «третичный жанр» по терминологии М.М. Бахтина, который вписывается в любой «вторичный»: утопический роман, рассказ, драма) замкнут – островок уцелевшей после катастрофы жизни.

Итак, роман Т. Толстой «Кысь» маркирован чертами поэтики постмодернизма. В нем происходит диалог утопии и антиутопии, но не в классическом их понимании. Следуя понятию «память жанра», введенному М.М. Бахтиным, можно сделать вывод, что роман «Кысь» – представитель третьей стадии (прим.: первая – синкретизм, вторая – традиционализм) – стилевой, где есть установка на неповторимость, оригинальность. «Жанр живет настоящим, но всегда помнит свое прошлое, свое начало. Жанр – представитель творческой памяти в процессе литературного развития» [9].

Трансформация жанра путем слияния утопии и антиутопии позволяет говорить о том, что произведение Т. Толстой «Кысь» – игровое сочетание утопии и антиутопии. Автор завершает текст знаковой фразой: «А понимай, как знаешь!..». Далее следует поэтическая цитата, список из населенных пунктов, где писалась книга, и указаны годы, когда это происходило: 1986–2000. В начале и конце списка географических названий стоит Москва, предпоследним – город, где происходят действия романа – Федор-Кузьмичск.

Библиографический список

1. Богданова О.В. Постмодернизм в контексте современной русской литературы (60– 90-е годы XX века – начало XXI века): учеб. пособие. С.Пб.: Филол. фак. С.-Петербург. гос. ун-т, 2004. 716 с.
2. Иванова Н. И птицу паулин изрубить на каклеты // Знамя. 2001. № 3. С. 219–221.
3. Ковтун Н.В. Русь «постквадратной» эпохи (К вопросу о поэтике романа «Кысь» Т. Толстой) // Respectus philologicus. 2009. № 15. С. 85–98.

4. Ковтун Н.В. Реальность и текст в прозе рубежа XX–XXI вв.: «Последний мир» К. Рансмайра и «Кысь» Т. Толстой // Кризис литературоцентричности: утрата идентичности vs новые возможности»: монография / Отв. ред. Н.В. Ковтун. М.: Флинта-Наука, 2014. С. 69–95.
5. Ковтун Н.В. Русская литературная утопия второй половины XX века: монография. Томск: ТГУ, 2005.
6. Кузьминский Б. Рецензия//Русский журнал. <http://www.guelman.ru/slava/kis/kuzm.htm>
7. Латынина Ю. В ожидании золотого века: от сказки к антиутопии / Ю. Латынина. Октябрь. 1989. № 6. С. 76–89.
8. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: в 3 кн. Эдиториал УРСС, 2001. Кн. 3. 685 с.
9. Липовецкий М.Н. След Кыси/ Искусство кино. 2001, № 2. – С. 75
10. Липовецкий М.Н: «Память жанра» как теоретическая проблема (к истории вопроса)», 1988.
11. Морсон Г. Антиутопия как пародийный жанр// Утопия и утопическое мышление. – М., 1991.
12. Проза 1970–1990-х годов: учеб. пособие / А. Н. Воробьева. – Самара: Изд-во Самарской гос. академии культуры и искусств, 2001.
13. Степанян К. Отношение бытия к небытию / К. Степанян // Знамя. 2001, №3. – С. – 66 – 78.
14. Толстая Т. Н. Кысь. – М.: Эксмо, 2004.
15. Щедрина, Н.М. Стилиевые доминанты романа Татьяны Толстой «Кысь»/ Н.М.Щедрина // «Третий Толстой» и его семья в русской литературе : сб. науч. ст. Самара : Изд-во Администрации Самарской области. – 2003. – С. 252-259.

ОБРАЗ «ПРЕЖНИХ» В РОМАНЕ ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ «КЫСЬ»

THE IMAGE OF «SOMETIMES» IN TATIANA TOLSTOY «KYS»

А.В. Ветренко

A.V. Vetrenko

Научный руководитель Н.В. Ковтун
Scientific adviser N.V. Kovtun

Современная русская проза, антиутопия, Пушкин, Толстая, роман «Кысь», «энциклопедия русской жизни»

Статья посвящена анализу поэтики романа Т. Толстой «Кысь» (1986–2000). Рассматривается система персонажей, особое внимание уделено образу Пржежных. Подчеркнута деконструкция функции интеллигентов в романе.

Modern Russian prose, dystopia, Pushkin, Tolstaya, the novel «Kys», «encyclopedia of Russian life».
The article is devoted to the analysis of the poetics of T. Tolstoy's novel «Kys» (1986-2000). The system of characters is considered, special attention is given to the image of the former. Deconstruction of the function of intellectuals in the novel was revealed.

Роман Т. Толстой «Кысь» (2000) вызвал самые разные отклики в критике (Д. Ольшанский, Б. Парамонов, Л. Рубинштейн, М. Липовецкий, О. Богданова, Н. Ковтун), но общим стало утверждение, что книга суть «энциклопедия русской жизни», некий компендиум мотивов, сюжетов отечественной классики: «Татьяна размахивавших Толстая написала – создала – самую незнание настоящую модель наиболее русской истории писала и культуры. Работующую отряды модель. Микрокосм» [2, с. 472].

История новой Московии отсчитывается от Взрыва («русский бунт», революция, атомная катастрофа) до Взрыва (апокалипсический пожар); от древней азиатчины до диктатуры Наибольшего Мурзы, взимающего ясак с мыши. Единственное «настоящее» событие тогда – «неокончательный конец света», что оборачивается не только исчезновением времени: стоит Федор-Кузьмичск, а до того город звался «Иван-Порфирьичск, а еще до того – Сергей-Сергеичск, а прежде имя ему было Южные Склады, а совсем прежде – Москва» [6, с. 18], но и превращением людей в мутантов – всякий должно испытывает на каждого себе земной Последствия: у одних взрыва по всему телу развитию растут петушинные чиновники гребешки или печь уши; у других который на руках не по пять хорошо пальцев, а по десять, ноцама то и пятнадцать, извивающихся, « шестаков»будто щупальца».

В романе могут быть выделены три группы персонажей: Пржежные –наделенные культурным знанием и обретшие после Взрыва свойство «не стариться» и не умирать естественной смертью: «живут себе и не помирают от старости-

то», только в результате «несчастливого случая», например, отравления, как мать Бенедикта, которая «огнецов обьяелась» [6, с. 15]; перерожденцы, принадлежащие тому же времени, что и Пржежие, но, в отличие от последних, эти приспособились к условиям жизни, став рабами местной власти; и голубчики, родившиеся после Взрыва, соответственно, не имеющие представления о прошлом, да и не желающие, собственно говоря, знать о нем.

Образ Пржежих в романе «Кысь» выведен как антипод простым жителям Федор-Кузьмичска. Это поколение «бывших» (как говорили об уцелевшей интеллигенции в двадцатые годы прошлого века после «Взрыва» – революции), тех, кто помнит жизнь до катастрофы и считает, что она была значительно лучше. Случайно уцелевшие, они стараются служить одичавшему народу, просвещать его: про первопечатника Федорова и про Пушкина напоминать. Никита Иванович, представитель пржежих из «общества охраны памятников, занимающий одну из ключевых должностей в новом мире – истопника (аллюзия к мифу о Прометее), пытается приобщить главного героя Бенедикта к культуре, стараясь пробудить в нем разум и душу. Беия рожден в браке от Пржежней – Полины Михайловны, получившей «оиеверсетецкое абразование», и голубчика, который изрядно колотил супругу и сына, пока не слег. Именно на Бенедикта как человека, получившего некие знания о пржежней жизни, и возлагает надежды на возрождение духовности Никита Иванович.

Утраченная духовная культура, запечатленная в книгах, которые голубчикам не понятны, никого не уберегла и в прошлом, превратилась в мертвую – в настоящем. Не случайно Никита Иванович советует Бенедикту начинать чтение с азбуки: «...книга тебе не впрок, пустой шелест, набор букв. Жизненную, жизненную азбуку не освоил!» [6, с. 313]. Пржежие жизненную «азбуку» все же знают, что и позволяет им поддерживать друг друга и нести огонь, подобно Прометее. Истопник Никита Иванович буквально является огнедышащим. Не случайно и то, что сам роман выстроен в форме своеобразной азбуки. Каждая глава названа в соответствии с буквой древнерусского алфавита: аз, буки и т.д. Отчасти за это построение роман Толстой назвали своеобразной «энциклопедией русской жизни».

Пржежие живут обособленно, с грустью наблюдая мир, доведенный до абсурда. Редкое событие, как похороны Анны кПетровны (ироническая отсылка к А. Керн [7, с. 85–98]), заставляет их собраться вместе. Для голубчиков же ритуал прощания представляется аттракционом или зрелищем: «А даже интересно поражение посмотреть, как самом это у них возникло все не по-людски делается» [6, с. 151]. Главный охватит герой в недоумении: «Камушки считают на глаза не кладут. Внутренностей другу не вынимают, ржавью не набивают... С покойником в гроб ни свечки, метафора ни мышки, ни посудыны люди какой...» [6, с. 151]. Отдельного внимания заслуживает список всех предполагаемого имущества буд-то умершей. Ценность между для Пржежих представляет все: знаки партийный билет, жанр микроволновая печь, личности квитанция на перерасчет, инструкция на мясорубку одно со сменными насадками. Пржежие прощаются не только с дорогим человеком, но и прошлым, которое уходит в небытие навсегда.

Знания Пржежных голубчиками опять не воспринимаются, отсутствуют механизмы передачи культуры. Проще чуть воспринимать сказку, чем попытаться только понять книги. Поэтому и считается, что антиутопии зима бывает того оттого, что интимная куры на юг улетают, прозе солнце встаёт, когда рыба-голубое перо плывёт погребая в одну сторону, пространство а садится, когда казалось она обратно идёт. Голубчикам Т. Толстой есть даже и посулы почувствовав не нужны – была бы ржавь! Деградация боится общества такова, знаки что все, однако говоря словами Маяковского, «взглядом живой упираются в своё корыто» [4, с. 140]. Главная проблема романа – поиск подлинных оснований культуры, внутренней гармонии, утраченной преемственности поколений. Символом же памяти становится книга. «Книга! Сокровище мое несказанное», – говорит Бенедикт, читая книжки одну за другой. [6, с. 217]

Христианская мораль и лучшее из культуры прошлого выступают в «Кыси» в неразрывном единстве. Так, Никита Иванович хочет воздвигнуть памятник Пушкину в знак протеста против незаконного приписывания Федором Кузьмичом себе литературной славы всех времен и народов, «зная, что у Бенедикта есть столярное умение, переходящее как бы и в художественный талант, поручает ему исполнить в дереве статую» [5, с. 2]. Пушкин – наше все – и звездное небо, и закон в груди!» – наставляет Никита Иванович [6, с. 195]. Толстая подчеркивает бытийственное и нравственное значение творчества Пушкина для русского народа. Бенедикт, душа которого «не без порывов», по просьбе Никиты Ивановича режет из дерева памятник пушкину (именно так, со строчной буквы, пишет это имя Бенья) – важный культурный символ в романе. Но духовного Ренессанса в каменном веке не получается: в конце «Кыси» памятник Пушкину сжигают. Финал «Кыси» символичен, фантастичен и концептуально значителен. Важно, что Никита Иванович и Лев Львович не сгорели, а вот почти все присутствовавшие на казни погибли в пожаре. «Кончена жизнь, Никита Иваныч, – сказал Бенедикт несвоим голосом. Слова отдавались в голове, как в пустом каменном ведре, как в колодце. «Кончена – начнем другую», – ворчливо отозвался старик» (6, с. 377).

В итоге забывшие свое идеологическое противостояние патриот Никита Иванович и западник Лев Львович дружно возносятся на небо. Именно с этими героями, а не с новым Митрофанушкой – Бенедиктом и ему подобными «нравственными неандертальцами» – связана надежда на другую жизнь для России.

Т. Толстая в романе проводит деконструкцию той функции интеллигенции, о которой несколько забыли в последнее время: нести просвещение в народ и сохранять культурное наследие прошлого. Интеллигентность в идеале представляется неким бескорыстным служением, стремлением к просвещению общества в моральном, эстетическом и научном аспектах. Именно таков образ Пржежных в романе «Кысь».

Библиографический список

1. Воробьева А.Н. Личность в переходной «зоне» русской антиутопии конца 1980-х – 1990-х годов <http://apdavydov.info/discuss/forumposts>

2. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Русская литература XX века (1650–1990-е годы): учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. Т. 2. 1968–1990. 4-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2008.
3. Липовецкий М.Н. ПАРАЛОГИИ: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. Издательство «Новое литературное обозрение», 2008.
4. Нефагина Г.Л. Русская проза конца XX века: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2003.
5. Парамонов Б. Русская история наконец оправдала себя в литературе <http://www.guelman.ru/slava/kis/paramonov.htm>
6. Толстая Т., 2002. Кысь: Роман. Москва: Подкова; Иностранка.
7. Ковтун Н.В. Русь «постквадратной» эпохи. (К вопросу о поэтике романа «Кысь» Т. Толстой) // *Respectus Philologicus*, Nr. 15 (20), 2009. P. 85-98.

ПРИЁМЫ И ФУНКЦИИ АБСУРДА В ПЬЕСАХ АРТУРА ГИВАРГИЗОВА

ABSURDITY METHOD AND FUNCTION IN THE PIECES BY ARTHUR GIVARGIZOV

К.А. Суровцева

K.A. Surovtseva

Научный руководитель Н.В. Уминова
Scientific adviser N.V. Uminova

Детская литература, поэтика абсурда, современная драматургия, смехотерапия, юмористические произведения.

В статье показано, с помощью каких художественных средств отражается в современной детской литературе проблема раннего взросления детей и их боязнь быть неуспешными. Описаны основные тенденции и функциональная направленность абсурда. В качестве материала используются пьесы Артура Гиваргизова из сборника «Древнегреческая трагедия и контрольный диктант».

Children's literature, poetics of the absurd, modern drama, psychotherapy, humorous works.

The article presents with the help of which artistic means the problem of early childhood growing up and their fear of failure is reflected in the modern children's literature. The basic tendencies and functional orientation are described. The material used pieces by Arthur Givargizov from the collection «Ancient Greek tragedy and Control dictation».

В произведениях многих современных детских писателей (Григорий Остер, Ксения Драгунская, Сергей Седов, Георгий Юдин, Артур Гиваргизов, Олег Кургузов, Тим Собакин и др.) можно выделить такие особенности, как размывание границ жанра, активное использование элементов пародирования, межтекстовые связи, игра слов и т.д. Все эти особенности не только соотносятся с общей историко-литературной ситуацией и отражают тенденции развития постмодернизма, но и свидетельствуют о продуктивности абсурдистской поэтики в современной детской литературе (исследованной в литературоведении только в связи с творчеством Г. Остера).

Подобные тексты неоднозначны в восприятии. Взрослые читатели с рационалистических позиций называют детскую литературу, где сильны традиции абсурда, бесполезной, а иногда и вредной, потому что в таких произведениях не описано идеальное поведение героев, не дан образец для подражания. Однако вполне очевидно, что абсурд – одна из центральных тенденций современной детской литературы.

Пьесы выбраны нами для анализа не случайно, ведь сценическое действие само по себе предполагает большую условность, поэтому абсурд в драматических произведениях кажется органичным.

Имя Артура Гиваргизова популярно в современной детской литературе. А в современном литературоведении, напротив, – нет. Кочергина А.А., Гутрина Л.Д., Анохина Н.Е – этими фамилиями и исчерпывается ряд исследователей.

В сборнике «Древнегреческая трагедия и контрольный диктант» автор описывает явления, при столкновении с которыми в реальности ребенок ощущает трудности или страх: больница, школа, взаимоотношения с родителями и старшим поколением. Но в книге Гиваргизова эти феномены переворачиваются и осмеиваются, чтобы снять напряжение у маленьких читателей (смехотерапия – так определяют исследователи детской литературы функциональную направленность творчества Артура Гиваргизова).

Создание абсурда часто опирается у автора на принцип «перевертыша», который встречается в пьесах писателя постоянно. Взрослый ведет себя как ребенок, а ребенок – как взрослый: отец клянчит деньги у сына, а тот наставляет папу не курить, потому что это вредно («По-взрослому»); родители просят ребенка поиграть с ними еще немного в жмурки, а мальчик отнекивается, потому что уже поздно, и он устал («Жмурки») и т.д. Этот контраст прослеживается и в речи персонажей. Достаточно сравнить разговор двух одноклассников в пьесе «Коагуляции почвенных коллоидов»: «Процесс коагуляции почвенных коллоидов способствует образованию в почвах хорошей структуры. Естественно, на этом основан эффект гипсования солонцов» [2, с. 47] и пререкания родителей в «Фальшивомонетчиках»: «Сколько будет пятью пять? Восемнадцать! – Неправильно! Тридцать два! – Восемнадцать! – Тридцать два!» [2, с. 35]. Есть пьесы, в которых взрослые и дети меняются местами буквально («Мог бы быть учеником» и «Коагуляция почвенных коллоидов»).

Гиваргизов использует вышеупомянутый принцип «перевертыша» не случайно. Современные дети взрослеют очень рано, так как жизнь кипит и развивается с бешеной скоростью. Это не в меру взрослое поведение детей и пародирует автор. В творчестве писателя усилено это пародийно-игровое начало, которое ведет к «размыванию четких возрастных границ, многоадресности художественных текстов» [URL: Бобина], т. е. они обращены к родителям с призывом обратить внимание на излишне взрослое поведение детей.

В разделе «Родительские» используется такой приём, как повторяемость ситуаций. Практически во всех пьесах действие происходит в одно и то же время (ночью), в одном и том же месте (прихожая), и завязка однотипна – возвращается папа и что-то приносит. Этот повторяющийся хронотоп помогает создавать атмосферу бессмыслицы. Здесь Гиваргизов идет вслед за представителями «театра абсурда», которые использовали поэтику повторяемости нелепицы, показывая застой и неизменность обстоятельств. Даже герои одни и те же – Миша, папа, мама, бабушка (иногда к этим действующим лицам присоединяются учителя и одноклассники).

В своих пьесах Гиваргизов огромную роль отводит ремаркам. Они рожают эффект абсурда на основе приема «несоответствие»: так, в пьесе «Контрольный диктант» строгий учитель проводит проверочную работу даже в не подходящей

для этого обстановке, соблюдая при этом все формальные требования (она приносит с собой в лес школьную доску, указку, учебники, портреты писателей; раздает листочки).

Произведения Гиваргизова обвиняют в «непедагогичности». Автор отказывается от показной назидательности, от привычных предписаний на обязательное поучение в детской литературе, но в то же время он демонстрирует, что можно с юмором относиться ко всем жизненным неурядицам. Поэтому он и нравится маленьким читателям: предоставляет свободу самостоятельно делать выводы.

Библиографический список

1. Бобина Т.О. Пародийно-игровое начало в современной детской литературе [Электронный ресурс]. URL: goo.gl/FyWgMd [Дата обращения 7 мая 2017 года].
2. Гиваргизов Артур. Контрольный диктант и древнегреческая трагедия: пьесы: для сред. шк. возраста. [ил. А. Войцеховского]. М.: Самокат, 2009. 80 с.

РЕЦЕПЦИЯ ТРАДИЦИЙ ПРОЗЫ И.С. ТУРГЕНЕВА В РОМАНЕ ДЖ. ГОЛСУОРСИ «ОСТРОВ ФАРИСЕЕВ»

RECIPE OF TRADITIONS OF PROSY I.S. TURGENEVA IN THE NOVEL J. GALSWORTHY “THE ISLAND OF THE PHARISSEES”

Д.И. Первунина

D.I. Pervunina

Научный руководитель С.Г. Липнягова
Scientific adviser S.G. Lipnyagova

И.С. Тургенев, Дж. Голсуорси, Дым, Остров фарисеев, реалистическая литература, русская литература, английская литература.

Рассматриваются произведения И.С. Тургенева «Дым» и Дж. Голсуорси «Остров фарисеев» с точки зрения сравнительно-сопоставительного литературоведения.

I.S. Turgenev, J. Galsworthy, Smoke, The Island of the Pharisees, realistic literature, Russian literature, English literature.

This article deals works of I.S. Turgenev “Smoke” and J. Galsworthy “The Island of the Pharisees” from the point of view of comparative-comparative literary criticism.

Сравнительно-исторический метод в литературоведении – раздел истории литературы, который изучает международные литературные связи и отношения, сходство и различия между литературно-художественными явлениями в разных странах [5, с. 20].

Сравнительный метод выполняет несколько функций: синтезирует предварительное конкретно-историческое изучение отдельных национальных литератур, обобщает его результаты, выявляет общие закономерности развития и отличия сопоставляемых литератур.

Кроме того, сопоставительный аспект стимулирует внимание к тем явлениям и процессам, которые, в ходе изолированного изучения одной национальной литературы, могли бы казаться второстепенными. Сопоставление с другим национальным материалом помогает найти новый подход к изучению некоторых важных явлений или процессов в национальных литературах [3].

В настоящее время факт универсального значения русской литературы общепризнан и является объектом пристального изучения как отечественных, так и зарубежных исследователей. Критики всех стран обращаются к произведениям русской классики как к эталонам художественной литературы.

В последние десятилетия XIX в. характерной особенностью духовной жизни Запада был расцвет эстетских и позитивистских тенденций, проявляющихся не только в литературе, но и в других сферах искусства.

Интерес к русской литературе знаменовал собой начало всеобщего увлечения русским искусством – балетом, музыкой, живописью. Это увлечение было настолько интенсивным, что западные исследователи заговорили о «русской моде». Ее возникновение относится к 1912 году, когда К. Гарнетт опубликовала свой перевод «Братьев Карамазовых».

Одухотворенность, поэтизация обыкновенных жизненных фактов и явлений природы, раскрытие тайн мироздания и духовного смысла бытия – все это послужило основанием для многих зарубежных критиков назвать русский реализм, и прежде всего реализм Тургенева, «поэтическим». При этом глубокая духовность, повышенный лиризм и эмоциональность сочетались в русской литературе с правдивостью.

Более полувека назад Д. Голсуорси в статье «Русский и англичанин» признался: «Ваши писатели внесли в художественную литературу... прямоту в изображении увиденного, искренность, удивительную для всех западных стран, особенно же удивительную и драгоценную для нас – наименее искренней из всех наций.

Это, несомненно, одно из проявлений вашей способности глубоко окунуться в море опыта и переживать; самозабвенно и страстно отдаваться поискам правды» [2, с. 394–411]. В этой же статье Голсуорси писал: «В вашей литературе нас особенно пленяет правдивость, глубокая и всеобъемлющая терпимость. Насколько мне известно, вас в вашей литературе особенно привлекает здравомыслие и утверждающая сила, т. е. то, что для нас непривычно и ново».

Полноценное развитие нации невозможно без взаимообмена опытом и культурными ценностями с другими народами. Своеобразие исторического развития национальной литературы невозможно уяснить вне ее связи с теми процессами, которые происходят в других литературах мира. Даже гениальный писатель не существует в вакууме, он связан с другими художниками. В этих связях, в непрерывном творческом осмыслении и усвоении художественных ценностей, накопленных человечеством, расцветает талант художника, формируется его видение жизни [8].

Исходя из вышесказанного, можно говорить о прямой связи Дж. Голсуорси с И.С. Тургеневым. Это утверждают многие исследователи творчества Голсуорси, этого не скрывает и сам писатель: в предисловии к роману Диккенса «Холодный дом» Голсуорси пишет, что Тургенев поразил его ум и душу, когда ему было тридцать лет [4, с. 3–30].

Первое, что можно выделить общего в романах «Дым» и «Остров фарисеев» – сатирическая направленность. Ю.В. Лебедев так пишет о произведении Тургенева: «Роман необычен в своей тональности. В нем играют существенную роль не очень свойственные Тургеневу сатирические мотивы. В тонах памфлета рисуется в «Дыме» широкая картина русской революционной эмиграции» [6].

В самом деле, начиная с XIX века, происходит массовая эмиграция из России. Сам Тургенев покинул Россию в связи с его нетерпимостью к крепостному праву. Живя за границей, Тургенев принял участие в обсуждении Крестьянской реформы, участвовал в разработке различных коллективных писем, протестов и др. Тургенев переживал о судьбе родины и стремился многое изменить,

что и подтолкнуло его к написанию романа «Дым», связанного с изменившейся точкой зрения Тургенева на русскую жизнь.

Если говорить о Джоне Голсуорси, то предпосылкой к написанию «Острова фарисеев» можно считать его возмущение англо-бурской войной.

Голсуорси писал о сложившейся ситуации так: «То был для меня период брожения и перемен. Я медленно пробуждался, осознавая истинное положение социальной жизни страны... эта книга стала вступлением ко всем последующим, изображавшим – до некоторой степени сатирически – различные аспекты жизни английского общества...».

Само название романа включает в себе большой обобщающий смысл. Островом фарисеев, то есть островом лицемеров, называет Голсуорси всю буржуазную Англию, раскрывая истинное лицо ее политиков, служителей церкви, деятелей науки и искусства.

Заглавии романа «Дым» также носит обличительный характер. Лебедев писал, что название произведения «несет в себе отрицательный общественный смысл, связанный с жизнью России первых пореформенных лет, с баденской историей Литвинова». Но это же заглавие можно рассматривать и в положительном ключе: как символ уютного очага Литвинова и Татьяны в концовке произведения, спокойную семейную жизнь [6].

Внешняя форма произведений. По жанру произведения представляют собой романы, примерно совпадающие по объему и структуре – тексты разделены на главы, с одной только разницей: в романе Голсуорси каждая глава имеет свое название.

Композиционно романы имеют общие черты, проявляющиеся в психологизации сюжета. Голсуорси следует тургеневской традиции построения произведения: минимальное количество действующих лиц, действие разворачивается на небольшом временном отрезке, отличается острой конфликтностью и драматизмом [1, с 63].

В построении сюжета в «Острове фарисеев» проявляется сходство с типом романа-путешествия (странствование Шелтона по Лондону и его окрестностям). То же можно сказать и о «Дыме» – Литвинов путешествует из России в Европу и обратно. Оба автора раздвигают рамки последовательного повествования – ретроспективно рассказывают истории героев и то, как они оказались в том месте, где застаёт их рассказчик.

На первый взгляд, произведения сюжетно тождественны: молодой человек, ожидающий встречи со своей невестой, попадает в разные ситуации, что приводит его к размолвке со своей избранницей.

Но главных героев романов нельзя назвать похожими. Например, Дик Шелтон – молодой аристократ, а Литвинов – «сын отставного служаки-чиновника из купеческого рода». Поэтому и на своих соотечественников они смотрят с разных ракурсов: Шелтон сам принадлежит к высшему свету и ужасается, когда осознает, что он один из них, а Литвинов смотрит на них со стороны и считает своими врагами только из-за разницы в положении.

В «Дыме» нет привычной тургеневской героини – девушки, способной на глубокое чувство, склонной к самопожертвованию. Ирина развращена светским обществом и глубоко несчастна: жизнь людей своего круга она презирает, но в то же время не может от нее освободиться. А у Татьяны, хоть и *«золотое сердце, истинно ангельская душа»*, но гордость и честь все-таки на первом месте. Героиня Голсуорси – истинная представительница аристократии: занималась музыкой, охотой, теннисом. Это основные ее занятия и вообще все, что ее интересует, – абсолютно классическое времяпрепровождение аристократов. Она мыслит стандартно и так, чтобы не выделяться из подобных ей: *«Бедняжка! Она не могла разорвать помолвку – в этом есть что-то вульгарное! Никто и никогда не должен говорить, что Антония Деннант согласилась выйти за него замуж, а потом отказалась выполнить свое обещание. Ни одна девушка из порядочной семьи не может так поступить!»*.

И Голсуорси, и Тургенев избрали своими глашатаями не главных героев, а второстепенных. Культурнические идеи Тургенева в какой-то мере выражает Потугин: Россия – европейская страна, которую нельзя искусственно отрывать от Западной Европы; она призвана органически освоить достижения европейской цивилизации, чтобы выработать на этой основе собственные принципы. Мысли Голсуорси в начале произведения озвучивает только Ферран, затем к нему присоединяется и Шелтон: он критикует социальное неравенство (*«один обедает на золоте, а другой отыскивает себе обед в помойной яме»*) и ограниченность аристократов (*«Все вокруг слишком много думают о соблюдении приличий»*, *«Ты писал ей, что многое в жизни обстоит далеко не так, как это кажется на первый взгляд. А такие вещи писать не полагается»*).

Голсуорси при создании образов героев в основном использует внутренние монологи-реплики. Нагрузка в передаче душевных переживаний персонажей падает на характеристику автора, описание действий и поступков персонажей, их мимику и жесты, диалоги, письма и т.п. Весь этот набор приемов полностью соответствует традиции Тургенева [7, с. 84].

Внутренняя речь если и есть, то очень краткая – ограничена всего несколькими строками. И у Тургенева, и у Голсуорси все впечатления и переживания героев переданы словами автора или через диалогическую речь.

Таким образом, проанализировав произведения, можно говорить о том, что в своем раннем творчестве Джон Голсуорси опирался на традицию прозы И.С. Тургенева.

Библиографический список

1. Афиногенова Т.В. Становление Голсуорси-романиста (от «Джослин» к «Острову фарисеев») // Филологический сборник: Литературы Западной Европы – От эпохи Возрождения к XXI веку: межвузовский сборник научных трудов. Красноярск: РИО КГПУ, 2002. 200 с.
2. Голсуорси Дж. Голсуорси Дж. Собрание сочинений в 16 т., авторский сборник. М.: Правда, 1962. Т. 16. С. 394–411.
3. Гордиенко О. Компаративистика как метод изучения литературы: ее становление и актуальные вопросы, статья. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ukrlitra.com.ua/1867.html> (дата обращения: 15.05.2018).

4. Жантиева Д. Голсуорси Дж. Собрание сочинений в 16 т., вступительная статья. М.: Правда, 1962. Т. 1. С. 3–30.
5. Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение и проблема литературных влияний. Изв. АН СССР. Отд. Обществ. наук», 1936. № 3.
6. Лебедев Ю.В. «Дым» – Тургенев», статья. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ivan-turgenev.ru/critics/124-24.html> (Дата обращения: 15.05.2018).
7. Пэшко В.Е. Английский роман первой трети XX века и традиции Л.Н. Толстого (проблема психологизма): автореферат. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/angliiskii-roman-pervoi-treti-xx-veka-i-traditsii-ln-tolstogo-problema-psikhologizma> (Дата обращения: 15.05.2018).
8. Сохряков Ю.И. Мировое значение русской литературы, статья. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=4715> (Дата обращения: 15.05.2018).
9. Цейтлин А.Г. «Комментарии: «Записки охотника» // И.С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1979. Т. 3.

ОБРАЗ КРАСНОЯРСКА В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ И КРАЕВЕДЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

THE IMAGE OF THE CITY KRASNOYARSK IN SCIENTIFIC-POPULAR AND LOCAL HISTORY LITERATURE

А.А. Носкова

A.A. Noskova

Научный руководитель **Е.В. Осетрова**
Scientific adviser **E.V. Osetrova**

Образ города, метафора, языковая картина мира, Красноярск.

Раскрывается метафорический образ города Красноярска; рассматривается представление о Красноярске как о некоем живом организме, деятельном, динамичном, имеющем специфический внешний облик. Выявлена и классифицирована лексика, с помощью которой создаётся антропоморфная метафора, формирующая образ города.

Image of the city, metaphor, language picture of the world, Krasnoyarsk.

The article reveals the metaphorical image of the city of Krasnoyarsk; considers the idea of Krasnoyarsk as a living organism, activity, constantly changing, having an external appearance. The vocabulary identifies and compares, with the help of which an anthropomorphic metaphor is created that shapes the image of the city.

Данное исследование, объектом которого является Красноярск как ключевой образ текстов научно-популярного и историко-краеведческого содержания, включено в контекст общей теории языковой картины мира.

Языковая картина мира трактуется здесь как совокупность представлений о мире, заключённых в значении разных слов и выражений данного языка и складывающихся в единую систему взглядов, которой владеют все носители языка [2, с. 544].

Теория языковой картины мира наряду с языковым анализом целых ситуаций – семантических сценариев, или скриптов (например [Осетрова, 2012]) – уделяет особое внимание исследованию отдельных ключевых образов и концептов. В рамках этой идеи и предпринят предложенный ниже анализ. Цель работы – раскрыть метафорический образ города Красноярска, рассмотреть представление о Красноярске как о живом организме, деятельном, постоянно меняющемся, имеющем специфический внешний облик; а также выявить и классифицировать лексику, с помощью которой создаётся антропоморфная метафора, форми-

рующая образ города. Методами данного исследования являются общенаучные методы сбора материала и наблюдения, описания и классификации, а также собственно лингвистический метод семантического анализа текста. Материал исследования – издания научно-популярной и краеведческой литературы, посвящённые городу Красноярску.

Красноярск расположен на берегах Енисея, на стыке Западносибирской равнины, Среднесибирского плоскогорья и Саянских гор, в ущелье, образованном северными отрогами Восточного Саяна. Основанный в 1628 году, во времена сибирской «золотой лихорадки», он стал процветающим купеческим городом. Красноярск сегодня – один из крупнейших городов России, культурный, промышленный и образовательный центр Центральной и Восточной Сибири, административная столица Красноярского края.

Исследование материалов научно-популярных и краеведческих изданий о Красноярске [1; 4] показало, что в научно-популярной картине мира город предстаёт не только как географический объект, промышленный и культурный центр, обозначенный соответствующим топонимом – Красноярск. Авторы часто описывают город как некое живое существо, действующее по своим законам и своему распорядку.

В процессе семантического анализа глагольной, номинативной (имена существительные) и кваликативной (имена прилагательные) лексики установлено, что для создания антропоморфного образа города используются несколько метафорических идей.

В ряде изданий Красноярск представлен как живой организм, который, обладая признаками роста (В последующее время территориально Красноярск изначальный рос преимущественно в западном направлении), выживает, преодолевая трудности (С первых дней Красноярску пришлось оружием и дипломатией утверждать право на своё существование; С 60-х годов XVII века, когда обострилась борьба между Джунгарией и алтын-ханами, Красноярск дважды оказывался на краю гибели; В итоге, в самый канун холодов Красноярск остался без дров...). Жизнедеятельность этого существа, подобного существу социальному, достойна подробного описания: Единичными были труды, в которых освещался тот или иной цельный этап жизни Красноярска; Красноярск первую половину XIX столетия прожил довольно своеобразно; Довольно широко общаясь с красноярцами, ученые собрали интереснейший материал о жизни Красноярска...

Широко представлен в краеведческой литературе Красноярск и как деятельностный субъект, который развивается (За прошедшие годы Красноярск, конечно, неузнаваемо изменился – у нас живёт сейчас почти миллион человек; В культурном развитии Красноярск во втором столетии своего существования сделал новый шаг вперёд; Территорию средней Сибири выделили в губернию, а Красноярск, как узел водно-сухопутных сообщений, получил ранг губернского центра); играет в общественной жизни целый ряд ролей (В его архиве после кончины обнаружили машинописную рукопись по ранней истории русского освоения юга Приенисейского края и роли Красноярска в этом процессе; Красно-

ярску в планах Сибирской организации отводилась большая роль как центру Восточно-Сибирской ссылки; Красноярск обязали построить на территории современной Тувы два острога); участвует в культурных мероприятиях (В 1986 году Красноярск широко отметил 100-летие со дня рождения «сибирского соловья» П.И. Словцова (1886–1934); В 1993 году Красноярск отметил своё 365-летие); более того, имеет способность испытывать гражданские чувства (Сегодня Красноярск может по праву гордиться количеством и качеством детских образовательных центров, клубов и секций).

Образ Красноярска как живого существа обширно представлен «стертыми» метафорами, соседство которых совершенно типично рядом с городским топонимом, но которые одновременно фиксируют наличие у него некоего «одухотворенного образа»: Внешний облик Красноярска сохранил типичные черты сибирских губернских городов; И такой казарменный облик сохранялся у Красноярска долгие годы, поскольку местные народности продолжали постоянно совершать на город набеги; С началом застройки по этому плану Красноярск стал приобретать другое лицо. Как видно, во фрагментах выше использованы слова лицо и даже облик. Это доказывает, что Красноярск выводится здесь не просто как живое существо, но трактуется возвышенно – через антропоморфную метафору. Данная мысль подкрепляется и следующим примером: Многие страницы этой блестящей по стилю и богатой фактическим материалом книги посвящены самому Красноярску, – из которого следует, что Красноярск может быть удостоен литературного посвящения как субъект вполне уважаемый, достигший много на многолетнем «гражданском поприще».

Итак, обобщенный метафорический портрет Красноярска обслуживается самыми разнообразными языковыми средствами – от прилагательного до глагольной и номинативной лексики. Какими бы частными ни были зарисовки этого портрета, в их основе неизменно лежит метафорический образ, и образ этот имеет устойчивый антропоморфный характер: Красноярск осмыслен как некое живое существо, более того – как существо человеческое.

Библиографический список

1. Быконя Г.Ф., Фёдорова В.И., Бердников Л.П. Красноярск в дореволюционном прошлом (XVII-XIX века). Изд-во Красноярского государственного университета, 1990.
2. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. Ключевые идеи русской картины мира. Языки славянской культуры. М., 2005.
3. Красноярский краевед / под ред. Л.И. Ярославцевой. Красноярск, 1991.
4. Миханёв А.П. Красноярск: интересная история! Очерки быденной жизни. Красноярск: Издательский дом «Сибирь-Медиа», 2003.
5. Осетрова Е.В. Манифестация факта в русском высказывании, или Событие выражения / Сибир. федерал. ун-т. Красноярск, 2012.
6. Центральный район / Под ред. Аверкиной М.В., Мешалкина П.Н. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1988.

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ «СТОЛБЫ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ КРАСНОЯРСКА

ASSOCIATE FIELD «STOLBY» IN LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF INHABITANTS OF KRASNOYARSK

И.А. Захарова

I.A. Zakharova

Научный руководитель Н.Н. Бебриш
Scientific adviser N.N. Bebrish

Ассоциация, ассоциативный эксперимент, стимул, реакция, языковое сознание, психолингвистика, менталитет.

Представлен анализ ассоциативного поля «Столбы» в языковом сознании жителей Красноярска, описаны особенности реакций испытуемых мужчин и женщин младшего, среднего и старшего возрастов.

Association, associative experiment, stimulus, reaction, language consciousness, psycholinguistics, mentality.

The article presents the analysis of the associative field «Stolby» in language consciousness of inhabitants of Krasnoyarsk, describes the characteristics of the reactions of male and female test subjects of junior, middle and senior age.

Изучение языкового сознания является актуальным в современной лингвистике. Языковое сознание – это особенности культуры и общественной жизни данного человеческого коллектива, определявшие его психическое своеобразие и отразившиеся в специфических чертах данного языка [3, с. 263].

Мышление человека неотделимо от его жизни, оно невозможно без опоры на знаковую систему, символы которой подменяют объекты внешнего мира. Особенности мышления, мироощущение, мировосприятие, формирующееся на глубоком психическом уровне индивидуального или коллективного сознания, возникают в недрах культуры, традиций, социальных институтов, среды обитания человека и представляют собой совокупность психологических, поведенческих установок индивида или социальной группы – все это менталитет [4, с. 39]. Одним из инструментов изучения менталитета является ассоциативный эксперимент – прием, направленный на выявление ассоциаций, сложившихся у индивида в его предшествующем опыте [1, с. 210]. В психолингвистике наиболее активно используется свободный или ненаправленный ассоциативный эксперимент. Н.Л. Пушкарева считает, что на выбор испытуемыми определенной ассоциативной реакции влияют социальные, культурные, психологические аспекты «женского» и «мужского» [6, с. 76–86]. В свою очередь, такие факторы, как условия эксперимента (обстановка, требования, предъявляемые испытуемым, степень их общности, какие-то случайные факторы и т.п.) и характеристики испытуемых

(возраст, образование, профессия, жизненный опыт, психологические особенности личности и т.п.) также оказывают влияние на выбор.

Ненаправленный ассоциативный эксперимент был проведен среди жителей г. Красноярск – реципиентов младшего (от 20 до 30 лет), среднего (от 31 до 50 лет) и старшего возраста (от 51 и старше); всего опрошено 60 человек (30 женщин и 30 мужчин). В рамках эксперимента испытуемым было предложено записать слово-реакцию на стимул «Столбы». Выбор стимула определялся значимостью этих скальных объектов для жителей Красноярск в геополитическом и культурном аспектах. Государственный природный заповедник «Столбы» – один из старейших заповедников России; расположен на северо-западных отрогах Восточного Саяна, граничащих со Средне-Сибирским плоскогорьем. Скальные объекты – главная достопримечательность заповедника. Благодаря им «Столбы» и получили свое название [Энциклопедия Красноярского края].

В сумме было получено 64 реакции, из которых 23 реакции у реципиентов младшего возраста, 21 – у реципиентов среднего возраста, 20 – у реципиентов старшего возраста. Из 64 реакций 34 у реципиентов мужчин и 30 у женщин. Отказов от реакции нет. Из общего количества реакций 31 – дублирующая, 33 – различные.

Анализ материала позволил выделить следующие виды ассоциаций. Сема качества: *Красноярские (3), красивые (2), большой, красивые, телеграфные, большие, фонарные. Конкретизирующие ассоциации: заповедник (13), горы (8), скалы (4), тайга (2), Красноярск, скала, Красноярск.* Ассоциации с синтагматическим отношением: *красноярские (3), Дед (2), красивые (2), сентябрь, воздух, зелень, ЛЭП, Бабка, красота, камень, лыжи, восторг, большой, красивые, телеграфные, большие, фонарные.* Ассоциации с парадигматическим отношением: *природа (3), отдых, пейзаж, опоры, символ, поход, выходной, электричество.* Фразовые ассоциации: визитная карточка города.

Реакции женщин-реципиентов всех трех возрастов: *заповедник (6), горы (6), природа (3), сентябрь, тайга, воздух, Красноярск, символ, поход, визитная карточка города, выходной, электричество, красноярские, здоровье, большие, красивые, мощь, тайга.* Реакции мужчин-реципиентов всех трех возрастов: *заповедник (7), скалы (4), Дед¹ (2), Красноярские (2), красивые (2), горы (2), пейзаж, отдых, большой, зелень, ЛЭП, Бабка², опоры, скала, телеграфные, красота, Красноярск, камень, здоровье, фонарные, лыжи, восторг.*

У мужчин и женщин есть пять сходных реакций: *заповедник (13), горы (8), красноярские (3), красивые (3), здоровье (2).* Эти реакции являются ядром стимула: «Столбы» – *красивые красноярские горы.* У женщин-реципиентов отмечено эмоционально-нейтральное отношение к стимулу «Столбы», преобладают парадигматические реакции (*природа, заповедник, горы, воздух, символ, поход, мощь, тайга*). Мужчины-реципиенты выражают позитивно-нейтральное отношение и также предпочитают парадигматические реакции (*пейзаж, заповедник, скалы, горы, камень, отдых, красота, зелень, здоровье, восторг*). Дублирующие

^{1,2} Название скал в заповеднике «Столбы».

реакции, полученные от опрашиваемых мужчин: *заповедник* (7), *скалы* (4), *Дед* (2), *красноярские* (2), *красивые* (2), *горы* (2), *от опрашиваемых женщин заповедник* (6), *горы* (6), *природа* (3).

У испытуемых всех трех возрастов есть четыре сходные реакции: *заповедник* (13), *горы* (8), *скалы* (4), *красивые* (3). Эти реакции являются ядром стимула. По реакциям в ядре ассоциативного поля можно воспроизвести предложение, которое определяет смысл, вкладываемый реципиентами в слово: «*Заповедник Столбы – это красивые горы и скалы*».

У испытуемых младшего и среднего возрастов нет сходных реакций. У испытуемых среднего и старшего возрастов нет сходных реакций. У испытуемых младшего и старшего возрастов есть одна сходная реакция: *тайга* (2).

В процессе анализа результатов ассоциативного эксперимента можно сделать вывод, что реакции поля «Столбы» у людей разного пола и возраста дифференцированы. Это обусловлено тем, что реципиенты различаются мировоззрением, мировосприятием, социальным и культурным опытом.

Результаты эксперимента были сопоставлены с данными Русского ассоциативного словаря (РАС) под общей редакцией Ю.Н. Караулова. У испытуемых всех трех возрастов отсутствуют совпадения, так как жители Красноярска под стимулом «Столбы» имели в виду прежде всего скальные объекты заповедника «Столбы». В то время как реципиенты, реакции которых представлены в Русском ассоциативном словаре, соотносили ассоциации со значением «бревно, толстый брус». Помимо этого, количество реакций не совпадает, так как в РАС привлекалось большее число реципиентов.

Анализ ассоциативных полей помогает создать ассоциативный портрет испытуемых, выявить общие и специфические черты картины мира представителей этноса в зависимости от возраста, пола, территории проживания, изучить языковое сознание (как индивидуальное, так и общественное), языковую картину мира (прежде всего так называемую наивную), а также диагностировать состояние общества и даже в какой-то степени прогнозировать его дальнейшее развитие [2, с. 35, 67].

Библиографический список

1. Белянин В.П. Психоллингвистика. М.: Флинта, 2011. 232 с.
2. Васильев А.Д., Васильева С.П., Тимченко А.Г. Этнокультурное сознание и самосознание сибиряка, отраженное в языке: монография / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2015. 204 с.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
4. Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии. 2003. 512 с.
5. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е издание, переработанное. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
6. Пушкарева Н.Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы в системе исторических наук // Женщина. Гендер. Культура. М., 1999. 355 с.
7. Энциклопедия Красноярского края // Заповедник «Столбы» [Электронный ресурс]. URL: <http://my.krskstate.ru/docs/nationalparks/zapovednik-stolby/>

РЕЧЕВОЙ ЖАНР ЖАЛОБЫ: ФАКТОРЫ, ФОРМИРУЮЩИЕ СОДЕРЖАНИЕ

SPEECH GENRE COMPLAINTS: FORMING CONTENT FACTORS

О.В. Новичёнок

O.V. Novichyonok

Научный руководитель **Е.В. Осетрова**
Scientific adviser **E.V. Osetrova**

Теория речевых жанров, жалоба, сфера функционирования, жанровые типы, мотивы жалобы.

Обсуждаются особенности функционирования речевого жанра жалобы; представлены два типа жалобы; выявлены четыре мотива возникновения жалоб.

The theory of speech genres, complaint, sphere of functioning, types of genre, motives of genre.

The article discusses the features of the functioning of the speech genre of the complaint. Two main types of complaints are presented. Four factors inducing the occurrence of complaints are highlighted.

Природа и функционирование речевых жанров – тема чрезвычайно объемная, имеющая широкие перспективы изучения [4]. Учение о речевых жанрах, зародившееся во второй половине XX века в более общих границах теории речевой деятельности, интенсивно развивается, с каждым годом становясь все более актуальным [см., в частности, 1; 4].

Один из самых узнаваемых оценочных жанров – жалоба – широко представлен в различных средах общения как неофициальной (бытовой, семейной, дружеской), так и официальной (юридическая, административная, медицинская) природы.

Анализ показывает, что различия между соответствующими вариантами жалобы обусловлены не только их целеполаганием или статусом коммуникантов, но и содержательной спецификой высказывания, его диктумом. Рассмотрим далее факторы, формирующие содержание выделенного жанра.

Как говорилось выше, выделяются а) официальная и б) неофициальная жалобы.

Официальность параметров общения приводит к тому, что обязательным элементом речевой ситуации является лицо, наделенное властью или ответственностью и способное принимать соответствующие меры. При этом адресант и адресат входят в рамки официально деловых отношений, что накладывает отпечаток на стиль соответствующего текста, его фактуру (письменная, фиксированная) и, разумеется, содержание:

[Форум «Закон»]

В ходе исполнительного производства судебным приставом-исполнителем был наложен арест на мое имущество. В связи с этим считаю, что действия

судебного пристава-исполнителя были незаконными, опись имущества не была произведена надлежащим образом.

На основании изложенного и в соответствии со ст. 123, 124 Федерального закона от 02.10.2007 №229-ФЗ «Об исполнительном производстве» прошу отменить постановление судебного пристава-исполнителя о наложении ареста (URL: <http://law.vl.ru/forum/>)

Жалобы официального типа имеют, как видно, определенную структуру: а) в них указывается документ, регламентирующий ситуацию; б) пункт в рамках данного документа, который был нарушен; в) способ разрешения сложившейся ситуации. Таким образом, содержание официальной жалобы жёстко регламентировано и имеет в основе нарушение закона, предписания, постановления и т.п., а значит, связано с юридическим аспектом жизнедеятельности.

Неофициальные жалобы функционируют не только в бытовой среде, но и в публичной коммуникации, отвоевывая свое место, например, в медиа-программе или в границах интернет-форума. Такие высказывания характеризуются отсутствием позиционного приоритета адресанта, отражая свойское, дружеское (приятельское), семейно-бытовое общение, а отсюда – более или менее демократичные отношения. Дистанция между участниками общения может быть определена как довольно близкая, а содержательная тематика часто замыкается в границах рутинного существования или конфликта.

Кроме сферной характеристики, диктум жалобы определяют так называемые мотивы. Выявлено, что мотивами к выражению жалобы чаще всего становятся следующие факторы.

1. Нездоровье говорящего, в том числе физическая боль:

[Разговор по телефону]

А: Привет! Я сегодня не приду. Очень плохо себя чувствую. Голова раскалывается, горло болит. Наверное, и температура есть.

Б: Оу, бедная! Поправляйся скорее!

(Язык Красноярска: архив автора; февраль 2018).

2. Поведение адресата или третьего лица (часто с интенцией упрека):

[Фрагмент диалога из группы поддержки Надежды Колесниковой. Голос–6 – 3 ноября 2017]

А.: Я считаю, что я многое могла бы дать проекту. Мне жаль, что меня не выбрали! Но у меня есть второй шанс. Может, кто-нибудь из наставников повернется еще ко мне? (Первый канал. «Голос»; выпуск 5).

3. Социальная ситуация, которой говорящий сопричастен и которую он считает проблемной или даже безвыходной:

[Форум «Мир и события»]

Каждый год мы сдаем деньги то на ремонт класса, то на ремонт спортивного зала, то на закуп спортивного оборудования. Никто не отчитывается, куда данные денежные средства и в каком объеме тратятся. Я не миллионер, чтобы сдавать деньги непонятно на что. Это возмутительно! (URL: worldaevents.ru).

Для современного русскоговорящего в обозначенных границах особо выделенными, «жалобными» ситуативными темами являются невысокая заработная плата и неблагоприятные трудовые условия:

[Разговор коллег по работе]

А.: Работаешь, работаешь целыми днями, а получаешь копейки! Нас совсем не ценят.

Б.: Согласна. С такой зарплатой я кое-как концы с концами свожу! За сад ребенка заплати, на нужды школы сдай, продукты купи. Еще за коммунальные услуги нужно!

(Язык Красноярска: архив автора; февраль 2018).

4. Наконец, еще одним узнаваемым мотивом жалобы выступает политическая ситуация, которая, с точки зрения жалующегося, негативно влияет на его собственную жизнь:

[Разговор друзей]

А.: Ты видишь, что творится в обществе? Кто у власти стоит? А помнишь, как в СССР жили? У нас хоть цели в жизни были! А сейчас – ни еды нормальной, ни денег, ни здоровья!

Б.: Да...

(Язык Красноярска: архив автора; февраль 2018).

В итоге следует констатировать, что диктумное содержание жалобы весьма разнообразно, определяясь, как минимум, двумя параметрами: а) сферой, в границах которой производится высказывание, и б) мотивом жалобщика.

Библиографический список

1. Дементьев В.В. Речежанровые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2016. 396 с.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2000. 940 с.
3. Осетрова Е.В. Слухи в парадигме лингвистической генристики // Жанры речи. 2015. № 2 (12). С. 80–89.
4. Шмелева Т.В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Russistik. Русистика. 1990. № 2.

УСТАРЕВШАЯ ЛЕКСИКА КАК СРЕДСТВО СТИЛИЗАЦИИ В РОМАНЕ МАРИИ СЕМЁНОВОЙ «ВОЛКОДАВ»

OBSOLETE VOCABULARY AS A MEANS OF STYLIZATION IN THE NOVEL BY MARIA SEMENOVA «WOLFHOUND»

Е.В. Третьякова

E.V. Tretyakova

Научный руководитель И.В. Ревенко
Scientific adviser I.V. Revenko

Устаревшая лексика, историзм, архаизм, исторический роман, роман об исторических событиях, фэнтези, стилизация.

Обсуждается ряд вопросов: отличие исторического романа от романа об исторических событиях, вопросы, касающиеся статуса устаревшей лексики в системе современного русского языка, функции, выполняемые устаревшей лексикой в романе Марии Семёновой «Волкодав».

Obsolete vocabulary, historicism, archaism, historical novel, novel about historical events, fantasy, stylization.

A number of questions are discussed in the article, firstly distinction between the historical novel and the novel about historical events, secondly, the questions relatively obsolete vocabulary in the system of the modern Russian language, thirdly, the functions performed by the obsolete vocabulary in the novel by Maria Semenova “Wolfhound”.

Интерес к жанру исторического романа не ослабевает. Писатели изучают прошлое и выдвигают свои версии исторических событий. Наблюдается не просто интерес к истории, а желание интерпретировать ее, приблизить к современному читателю, сделать доступней.

Особое место среди литературных жанров занимает роман об исторических событиях, который необходимо отличать от исторического романа. В Словаре литературных терминов представлено следующее определение: «Исторический роман – роман, действие которого разворачивается на фоне исторических событий» [Словарь литературных терминов]. Исследователи признают такое определение довольно общим и высказывают критические замечания, прежде всего, связанные с определением меры соответствия вымысла и художественной образности реальным документально зафиксированным событиям. Исторический роман в его современном понимании есть художественная реставрация той или иной исторической действительности, при этом доля вымысла не должна быть высокой, особенно в воссоздании исторических событий, предметного мира эпохи, зафиксированных документально черт характера и портретных характеристик персонажа. По-другому характеризуется роман об историческом прошлом или роман об исторических событиях.

Здесь «в качестве главных персонажей не фигурируют исторические личности, не затрагиваются широкие исторические события Персонажи такого романа вымышлены, преобладают художественная условность и авторская фантазия» [4].

На наш взгляд, разновидностью такого романа можно признать фэнтези. «Романы в стиле фэнтези воссоздают эпоху существования древних магических цивилизаций, балансируя на стыке исторической хроники, сказки и героической саги» [2].

Романы М. Семеновой о Волкодаве в какой-то степени можно отнести к фэнтези, но в них присутствуют также черты, характерные для романа об историческом прошлом. Черты фэнтези можем обозначить наличие персонажей, наделенных магическими способностями, создание автором обширного вымышленного пространства, в котором герой путешествует и совершает подвиги. Чертами романа об исторических событиях можно считать использование устаревшей лексики как средства стилизации и воссоздания колорита эпохи. Внедрение в романы устаревшей лексики, описание реально существовавших верований древних славян призваны создать у читателя иллюзию, что описанные в романах события действительно происходили.

Определим содержание основных терминов. В состав устаревшей лексики включают историзмы и архаизмы. «Историзм – слово, вышедшее из живого словоупотребления вследствие того, что обозначаемый им предмет уже неизвестен говорящим как реальная часть их повседневного опыта» [1]. «Архаизмы – слова, отдельные значения слов, словосочетания, а также некоторые грамматические формы и синтаксические конструкции, устаревшие и вышедшие из активного употребления» [там же].

Отметим, что «архаизмы не являются единственными названиями существующих реалий, они имеют современные синонимы, используемые при их толковании, архаизмы могут принадлежать к любой части речи и в современных текстах выполняют стилистические функции» [3, с. 48–69].

Причины архаизации лексики могут носить экстралингвистический характер, если отказ от употребления слова связан с социальными преобразованиями в жизни общества, но могут быть обусловлены и лингвистическими законами. Например, наречия ошую, одесную (слева, справа) исчезли из активного словаря, потому что архаизовались производящие существительные шуйца – «левая рука» и десница – «правая рука».

Ряд исследователей настаивает на том, что историзмы в беллетристике используются исключительно в номинативной функции, так как называют предметы и явления, актуальные для той эпохи. Мы с этой точкой зрения не согласимся, так как считаем, что историзмы, выполняя номинативную функцию, вполне могут выполнять и стилистическую, то есть быть средством стилизации и воссоздания колорита эпохи.

В отличие от историзмов, стилистический потенциал архаизмов сомнений ни у кого не вызывает. Как правило, «архаизмы являются средством создания либо торжественного, высокого или даже высокопарного стиля речи, либо, наоборот, сниженного, комического» [3, с. 48–69].

Более подробно мы решили рассмотреть главы «Песня Надежды» и «Песня Смерти» романа «Волкодав», потому что эти главы содержат значительное количество устаревшей лексики. В этих главах нами обнаружены архаизмы – распря («...его ничтожная распря с Людоедом была так же мала...»), крамола («И не показалась крамольной»), здравие («- В добром ли здравии госпожа?»), ражий («...ражих молодых ребят...»); историзмы – дружина («...он больше не уговаривал «сестру» держаться поближе к дружине»), кольчуга («За мечом последовали пояс, куртка, кольчуга, рубаха...»), копьё («...наконечник тяжелого, старинной работы копьё...»), личина («...у тех, что побогаче, личины были кованые»), аршин («...будь оно проклято, бревно в аршин толщиной...»), купец («...нанявший купец...»), ратник («Юные ратники подходили с намерением похлопать Волкодава...»), полпуда («Полпуда остальных вороненых колец...»), витязь («...дружинный витязь...»), боярин (««...ты ни разу не обратился к боярину...»»).

Ряд устаревших слов являются старославянскими по происхождению. Так, существительное *распря* является префиксальным производным от *пья* > *пря* (спор), существительное *ратник* происходит от праславянской лексемы *рать*. Встречаются также фонетические старославянизмы: слово *здравие* является неполногласным вариантом полногласного *здоровье*.

Другие являются исконными. Так, слово *ражий* одни ученые считают однокоренным к *дородный* (-dj>ж с переогласовкой о/а), другие рассматривают его как суффиксальное производное от *раз* (суффикс -j; zj>ж)

К каждому архаизму мы можем подобрать синоним (*распря* – ссора; *крамола* – бунт, мятеж, смута; *здравие* – здоровье; *ражий* – дюжий, матерый).

Историзмы мы разделили на тематические группы: слова, связанные с военным ремеслом: *дружина*, *ратник*, *витязь*, *кольчуга*, *копье*, *личина*; слова, обозначающие меры длины и веса: *аршин*, *пуд*; названия социальных слоев населения: *купец*, *бояре*.

Проанализировав вышеперечисленные слова, мы можем заметить, что с помощью устаревшей лексики ярко воссоздается колорит эпохи: при описании реально существовавших верований, быта, военного ремесла, обозначении социальных слоев, при стилизации язык ушедшей эпохи не воспроизводится абсолютно точно, мы видим: для того, чтобы достичь желаемого эффекта, автору достаточно нескольких слов, которые ложатся на канву повествования.

Библиографический список

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
2. Беренкова В.М. Жанр фэнтези как объект лингвистического исследования // Вестник АГУ. Серия 2: Филология и искусствоведение, 2009.
3. Емельянова О.Н. Устаревшая лексика в системе языка (по материалам толковых словарей современного русского языка) // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 2. С. 48–69.
4. Жачемукова Б.М., Бешукова Ф.Б. Художественная специфика жанра исторического романа // Вестник АГУ. Серия 2: Филология и искусствоведение, 2011.
5. Словарь литературных терминов // enc-dic.com/

СТРУКТУРНАЯ ТИПОЛОГИЯ ЗАГЛАВИЙ В «ЗАТЕСЯХ» В.П. АСТАФЬЕВА

STRUCTURAL TYPOLOGY OF TITLES IN «ZATESI» OF V.P. ASTAF'EV

К.И. Габова

K.I. Gabova

Научный руководитель И.В. Ревенко
Scientific adviser I.V. Revenko

Структурная типология, заглавие, жанр миниатюры, грамматико-синтаксическая структура, семантическая структура.

Определяется содержание понятия «заглавие», а также семантическая и грамматико-синтаксическая их классификация. Анализируются затеси первой и второй тетрадей, выявляются преобладающие семантические и структурные типы заглавий

Structural typology, titles, genre of miniature, syntactic structure, semantic structure.

The article defines the content of the concept «title» and its semantic and grammatical-syntactic classifications. There are analyzed zatesi of the first and the second notebook, and also the prevailing semantic and structural types of titles are identified in the article.

Для определения содержания термина «заглавие» обратимся к данным словарей. В классических толковых словарях Даля В.И., Ушакова Д.Н., Ожегова С.И. словарные статьи, посвященные заглавию, очень небольшие. Характеризуя в целом данные источники, можно отметить, что заглавие – это название книги, литературного произведения или его части, название сочинения. Однако такая дефиниция не отображает полноты термина, кроме указания на назывательную функцию заголовка. Обращаясь к понятию «заглавия», Л.С. Выготский отмечает следующее: «Название несет в себе раскрытие самой важной темы, оно намечает ту доминанту, которая определяет собой все построение рассказа» [2, с. 204]. Исходя из данной трактовки, можно выделить следующие более глубокие понятийные единицы, формирующие значение термина: раскрытие темы текста, ее главенствующую идею, которая предопределяет структуру построения текста.

Заглавие обладает некоторыми полярными характеристиками. С одной стороны, оно обладает сильным положением над текстом и является самостоятельной информативной единицей. С другой стороны – заглавие неотделимо от текста, является важным его элементом. Также заглавие начинает текст, представляет его и одновременно замыкает, обозначая художественный или публицистический текст как целое.

Предметом нашего рассмотрения являются «Затеси» В.П. Астафьева, которые можно отнести к жанру миниатюры, поскольку это небольшие рассказы,

композиционно и содержательно представляющие собой завершённое произведение. Малый объём текста ведёт к компрессии смысла и позволяет увидеть более тесную связь заглавия и самого текста.

В центре нашего внимания находится типология заглавий с грамматико-синтаксической (классификация И.В. Арнольд) и семантической точкой зрения (классификация А.В. Ламзиной).

В.И. Арнольд предлагает классификацию заглавий, учитывающую специфику структуры: заглавия-словоформы, заглавия-сочинительные сочетания слов, заглавия-подчинительные словосочетания, заглавия-предложения [Арнольд, 1978]. Данная классификация не является конечной, а предполагает дальнейшее разделение на классы, например, выделение заглавий, представленных именами нарицательными или собственными (последние предполагают дальнейшее разграничение антропонимов, топонимов и др. онимов в функции заглавия); указанные субстантивы могут фиксироваться в заглавии в форме единственного или множественного числа.

В классификации А.В. Ламзиной, основанной на семантике, выделяются четыре типа, основывающиеся на соотношении заглавия с традиционно вычленимыми компонентами произведения: тематическим составом и проблематикой, сюжетом, системой персонажей, деталью, временем и местом действия (описания). Семантическая структура заглавий, по Ламзиной А.В., включает «заглавия, представляющие основную тему или проблему произведения; заглавия, задающие сюжетную перспективу произведения; персонажные заглавия; заглавия, обозначающие время и пространство» [3, с. 77].

Сборник «Затеси» В.П. Астафьева включает в себя большое количество миниатюр, разделённых на тетради. Каждое название тетради – это и название затеси в той же тетради.

Названия затесей, с точки зрения структуры и семантики, довольно разнообразны. В первой тетради «Падение листа» преобладают заглавия-словоформы («Паутина», «Сережки», «Хвостик»), выраженные нарицательными существительными в единственном числе, а также заглавия-подчинительные сочетания слов, выраженные простыми субстантивными словосочетаниями («Родные берёзы», «Сильный колос», «Хрустальный звон» и др.).

С семантической точки зрения, преобладают заглавия, представляющие основную тему произведения, например, «Родные берёзы», «Дождик», «Мелодия». В данной тетради есть заглавия, обозначающие время и пространство («Весенний остров», «Летняя гроза», «Предчувствие осени»), которые отражают конкретную циклическую координату (время года). Указание на время в заглавии может быть опосредованным («Лунный блик» – луна видна только ночью; «Вкус талого снега», «Герань на снегу» – снег – атрибут зимы). В этих заглавиях основная тема и косвенное обозначение времени будут совмещены в названии.

Далее рассмотрим более подробно несколько названий затесей из второй тетради «Видение». С грамматико-синтаксической точки зрения, заглавие «Домский собор» представляет собой тип *заглавие-подчинительное словосочетание*,

представляющее простое субстантивное словосочетание, построенное по типу подчинительной связи согласование, где прилагательное *домский* согласуется с существительным *собор* в мужском роде, единственном числе и именительном падеже. В плане грамматической семантики имя собственное указывает на единичность объекта, его уникальность. С точки зрения семантики – это *заглавие, обозначающее пространство*. Даже если мы не знаем конкретное место, где находится собор, то в начале самой затеси мы видим имя собственное Рига, которое обозначает место действия.

Заглавие «Песнопевница» представляет собой номинативную конструкцию, выраженную нарицательным существительным женского рода в именительном падеже и единственном числе, т. е. относится к типу *заглавие-словоформа*. Для более точной семантической классификации необходимо обратить внимание на словообразовательную структуру заглавия. *Песнопевница* – слово, образованное посредством интерфиксации, где на уровне словоформы наблюдается тавтология, поскольку в значении слова *певец (ица)*, производном от глагола *петь*, присутствует сема «лицо по роду деятельности», сходное значение имеет и субстантивный суффикс *-иц*. Также в затеси есть еще один надтекстовый знак – помета «Сестре Галине», которая непосредственно соотносится с заглавием.

Таким образом, проанализировав лишь небольшую часть заглавий затесей с точки зрения структурной и семантической типологии, можно отметить большое разнообразие этих типов. Анализ заглавий тетради «Падение листа» дал понять, что в структуре заголовков отражается общая природная семантика данной тетради, не требующая имен собственных, а отражающаяся в простых номинативных конструкциях. Поэтому можем говорить о системности в построении сборника. Проанализировав отдельные затеси из тетради «Видение», отметим разные структурные типы заглавий для выражения общей темы. В заглавия включаются народные и разговорные элементы, элементы словотворчества для обозначения экспрессивной функции. Все это позволяет говорить о широком применении средств в выборе заглавий для одной тематики, что помогает избежать однообразия и выразить аппелятивную функцию заглавия как одну из наиболее важных.

Библиографический список

1. Арнольд И.В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста. Москва, 1978. С. 24–27.
2. Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1968. С. 204.
3. Ламзина А.В. Заглавие литературного произведения // Русская словесность. 1997. № 3. С. 75–79.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОЦЕНКИ В «ПИСЬМАХ О ДОБРОМ И ПРЕКРАСНОМ». Д.С. ЛИХАЧЕВ

LEXICAL MEANS OF EVALUATION
IN HIS «LETTERS ABOUT THE GOOD AND THE BEAUTIFUL»
D. S. LIKHACHEV

В.А. Филькова

V.A. Filikova

Научный руководитель И.В. Ревенко
Scientific adviser I.V. Revenko

Категория оценки, оценочность, эмотивность, средства выражения, эмоциональность, контекст, положительная/отрицательная оценка, оценочные предикаты.

Статья посвящена анализу средств выражения оценки в «Письмах о добром и прекрасном» Д.С. Лихачева. Оценка относится к числу активно изучаемых лингвистами явлений. В языке оценка выражается при помощи семантической категории оценочности, которая при непосредственной реализации в речи и в тексте эксплицируется двумя основными способами – эксплицитно и имплицитно. В статье рассматриваются лексические средства оценки.

Evaluation category, evaluation, emotionality, means of expression, emotionality, context, positive/negative evaluation, evaluation predicates.

The article is devoted to the analysis of means of expression of an assessment in "Letters about good and fine" D.S. Likhachev. Evaluation is one of the phenomena actively studied by linguists. In language assessment is expressed by means of semantic category of assessment which at direct realization in speech and in the text is expressed in two main ways – explicitly and implicitly. The article deals with lexical means of evaluation.

Оценка – это многоаспектное явление, которое может быть рассмотрено как когнитивный процесс, как результат психической деятельности, как языковое явление. Язык отражает мир с различных сторон. Прежде всего, в языке представлена объективная действительность, имеющиеся в мире предметы, свойства, действия, включая человека с его мыслями, чувствами, поступками, и их соотношения. В языке отражается также взаимодействие действительности и человека в самых разных аспектах, одним из которых является оценочный. Оценка – один из важнейших моментов в структуре отражательной деятельности сознания. Как отмечает М.В. Никитин, «по своему методу и уровню (характеру) знания мира наше мышление является по преимуществу оценочным, т. е. мыслительная деятельность в большей своей части совершается на уровне и в форме оценок» [3, с. 12].

Оценочность обязательно присутствует в художественном и публицистическом стилях. Как отмечает Н.И. Клушина, «порождение текста диктуется авторской интенцией» [1, с. 28]. И весь публицистический текст организуется под кон-

тролем этой глобальной авторской интенции. Поэтому в любом публицистическом тексте можно обнаружить целую парадигму интенциональных текстообразующих категорий, позволяющих автору решить свою стратегическую задачу – убеждение адресата.

Среди огромного количества публицистических текстов, содержащих оценку, на наш взгляд, следует выделить «Письма о добром и прекрасном» Д.С. Лихачева. Книга обладает высоким дидактическим потенциалом. Сам автор писал: «В своей книге..., предназначенной для детей, я пытаюсь самыми простыми доводами объяснить, что следование путем добра – путь самый приемлемый и единственный для человека» [2, с. 3]. А учить добру невозможно, не давая оценку, поэтому текст писем содержит значительное количество оценочных единиц.

Оценка может быть выражена различными языковыми средствами, наиболее значимыми являются лексические. Значимость лексических средств выражения оценки подтверждается тем, что на семном уровне проявляются соединения таких семантических признаков, как оценка, эмотивность, экспрессивность.

Языковыми средствами могут выражаться разные виды оценки: психологическая – *Только жизненно необходимая цель позволяет человеку прожить свою жизнь с достоинством и получить настоящую радость*; эстетическая – основана на синтезе сенсорных и психологических, *умение искать и находить лучшее, просто «хорошее», «заслоненную красоту» обогащает человека духовно*; этическая – *Мать, всем восторгающаяся и поощряющая во всем своего ребенка, может воспитать нравственного уродца*; нормативная – *В конечном счете верность есть верность правде – правде-истине и правде-справедливости*; телеологическая – *Чтение, для того чтобы оно было эффективным, должно интересовать читающего*.

При анализе лексических языковых средств выяснилось, что для оценки событий часто используются такие части речи, как прилагательные, существительные, глаголы, фразеологические обороты и наречия. Оценочная сема присутствует в структуре значения слов, различных по своей грамматической природе.

Огромную роль при оценивании события играют прилагательные, поскольку они наделяют предметы определенными характеристиками и свойствами. При оценивании событий чаще всего используются качественные прилагательные, которые позволяют дать объекту сенсорные, абсолютные или рационалистические оценки: *были гостеприимны и приветливы; как же ведет спор умный и вежливый спорщик*.

Выбирая в качестве средства выражения оценки существительные с эмотивной коннотацией, можно придать объекту оценки определенную экспрессию, что позволяет более ярко и точно дать оценку событию: *верность, истина, польза*. Рассмотрим особенности оценки на примере лексемы «верность».

Контекст позволяет менять полюс оценки, поэтому рассмотрим значение лексемы на примере контекста: *Верность тем большим принципам, которыми должен руководствоваться человек в большом и малом, верность своей безупречной молодости, своей родине в широком и в узком смысле этого понятия, верность семье, друзьям, городу, стране, народу*. Контекст позволяет заключить, что лек-

сическое значение слова имеет положительную оценку. За счет использования такого стилистического средства как дистантный лексический повтор происходит контекстное усиление позитивной оценки.

Глаголы обозначают непосредственное отношение действия к объекту оценки: *Вас будут уважать, и вы покажете свой ум, честное слово, я не устаю восхищаться ее изяществом, обижаться следует только тогда, когда хотят вас обидеть.*

Фразеологизмы играют важную роль в оценке события и придают разные оттенки способу выражения: они могут сделать оценку более эмоциональной, придать ей выразительность, определенным образом направить эстетическое восприятие, обеспечить те или иные культурные ассоциации.

При анализе наречий выяснилось, что доминирующими при оценке события оказались наречия меры и степени: *да, хорошие манеры могут быть очень внешними, вы почти неутомимы, зараженные даже ненавистью к «чужому», к слишком сложному.*

Анализируя лексические языковые средства, можно сделать вывод, что большее значение имеют эмоционально-окрашенные лексические единицы, т.к. они наделяют объект оценки определенными качествами, свойствами, эмоциями. Они позволяют оценить те или иные явления и отношения действительности в емкой и выразительной форме.

Библиографический список

1. Клушина Н.И. Интенциональные категории публицистического текста в аспекте коммуникативной стилистики (на материалах периодических изданий 2000–2008 гг.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 45 с.
2. Лихачёв Д.С. Письма о добром и прекрасном / Сост. и общая ред. Г. А. Дубровской. 3-е изд. М.: Дет. лит., 1989. 238 с.
3. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. Учебное пособие. 2-е издание, дополненное и исправленное. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. 819 с.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И РКИ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕКСТОВ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

USAGE OF PERIODICAL PRESS' TEXTS IN TEACHING A FOREIGN LANGUAGE

Е.Н. Гордеева

E.N. Gordeeva

Научный руководитель Е.В. Осетрова
Scientific adviser E.V. Osetrova

Обучение, дидактика, текст, СМИ, периодические издания, иностранный язык, русский язык как иностранный.

В статье обсуждается периодическая печать как актуальный дидактический материал на занятиях по иностранному языку. Автор предлагает методическую разработку с использованием новостийных политических текстов для совершенствования грамматических навыков.

Training, didactics, text, Mass media, periodicals, foreign language, Russian as a foreign language.
This article is devoted to the analysis of the application of the texts of periodicals as a didactic material in lessons of a foreign language. The relevance and importance of the inclusion of this type of texts in the educational process is substantiated. The author of the article offers a methodical work using publications on politically relevant topics for lessons of Russian grammar.

Текст – многоаспектное понятие, которое, по мнению И.Р. Гальперина, является производением речетворческого процесса, обладающим завершенностью, объективированным в виде письменного документа, литературно обработанным в соответствии с типом этого документа, имеющим целенаправленность и прагматическую установку. Текст состоит из названия (заголовков) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединённых разными типами лексической, грамматической, логической и стилистической связи [2, 1981].

Являясь средством фиксации языка, его литературных норм, текст активно используется на уроках иностранного языка, в частности, на уроках русского языка как иностранного. Отбор текстов в этой связи признан одним из важнейших подготовительных этапов, поскольку они должны содержать значимую лингвокультурологическую и лингвострановедческую информацию [3, с. 556–560]. Традиционно в методике применяются аутентичные или адаптированные тексты клас-

сической литературы; в отечественной практике это произведения А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, С.А. Есенина и нек. др.

Вместе с тем в последнее десятилетие набирает популярность другая тенденция – использование в качестве дидактического материала актуальных публикаций газетных изданий, телепрограмм и радиальных диалогов. Работа с подобными текстами формирует различные навыки, начиная от восприятия информации до способности понять и проанализировать ее, делая собственные выводы. Учащиеся не только узнают новости, формирующие повестку дня в стране изучаемого языка, но и обогащают свой словарный запас: именно в газетных статьях, теле- и радиопередачах используется самая современная и актуальные на сегодняшний день лексика. Помимо языковой составляющей, учащиеся знакомятся с медиа-жанрами, их структурой и особенностями оформления.

В качестве дидактического материала периодика имеет ряд преимуществ по сравнению с другими текстами средств массовой информации. Во-первых, газетная статья фиксирована, что дает возможность многократно возвращаться к материалу, анализировать его в разных аспектах [5, с. 158–162]. Во-вторых, учащиеся самостоятельно регулируют процесс восприятия в зависимости от уровня сформированности навыков чтения, языкового ритма и темпа. В-третьих, визуальное восприятие газетного текста способствует лучшему его запоминанию [1, с. 317–319]. Помимо этого, статьи периодических изданий являются креолизованными текстами, в которых, кроме вербальной составляющей, имеется изобразительный компонент. В результате одна информация поступает по разным каналам, одновременно создавая целостный образ новостного события [4].

Согласно автоматической системе мониторинга и анализа СМИ и соцмедиа в режиме реального времени “Медиалогия” на 2017 год в топ-5 самых авторитетных и часто цитируемых российских изданий входят “Известия”, “Коммерсантъ”, “Ведомости”, “Российская газета” и “Новая газета”. Данные периодические издания всесторонне отражают актуальные события, происходящие в политической, экономической, социальной и культурной сферах общества.

Тексты периодических изданий часто имеют небольшой объем, а в связи с этим без предварительной подготовки могут быть использованы в упражнениях, направленных на пополнение активного словаря, на отработку сочетаемости слов, на выбор правильных падежных форм.

В качестве образца работы с периодикой в данном случае предложено задание, составленное на основе газетной статьи политической тематики (тема – корейский политический кризис) и посвященное отработке грамматических навыков. Данное упражнение включает два этапа.

В ходе первого этапа работы учащиеся самостоятельно (вслух) читают текст, переводят незнакомые слова, стараясь запомнить наибольшее количество информации; см. пример:

– Руководство Северной Кореи не готово пока начать переговоры с Южной Кореей, – заявила по итогам встреч с главами обеих делегаций спикер Совета Федерации Валентина Матвиенко. В первой половине дня у нее состоялась беседа с Чон Се Гюном, председателем Национального собрания Южной Кореи.

“Председатель парламента Южной Кореи еще раз подтвердил, что Южная Корея готова к переговорам, настроена на переговоры, и высказал такое намерение в том числе здесь на полях ассамблеи Межпарламентского союза”, – сказала Матвиенко журналистам.

С главой делегации КНДР Ан Дон Чхуном “был длительный непростой разговор”, – рассказала сенатор. – “Они не готовы к переговорам сейчас”. Тем не менее, российские парламентарии будут прикладывать усилия по организации встречи КНДР и Южной Кореи.

В ходе второго этапа работы учащиеся анализируют тот же текст с лексическими пропусками, которые необходимо восстановить:

Руководство Северной Кореи не готово пока начать __ с Южной Кореей, заявила __ итогам встреч __ главами обеих делегаций спикер Совета Федерации Валентина Матвиенко. В первой __ дня у нее состоялась беседа с Чон Се Гюном, председателем Национального собрания Южной Кореи. “Председатель парламента Южной Кореи еще __ подтвердил, что Южная Корея готова __ переговорам, настроена __ переговоры, и высказал такое намерение в __ числе здесь на полях ассамблеи Межпарламентского союза”, – сказала Матвиенко журналистам.

С главой делегации КНДР Ан Дон Чхуном “был длительный непростой разговор”, – рассказала сенатор. – “Они не готовы к переговорам сейчас”. Тем __ менее, российские парламентарии будут прикладывать усилия __ организации встречи КНДР и Южной Кореи.

Данное упражнение акцентирует внимание учащихся на моментах, которые обычно пропускаются при чтении, например, на словосочетаниях существительных с предлогами (*готова к переговорам*), в том числе на устойчивых оборотах (*первая половина дня*).

В общем, можно говорить о преимуществе такого рода текстов и упражнений, которое определяется как вариативность. Преподаватель имеет возможность выбора а) текста СМИ, б) фрагмента, который будет опущен (выделен), делая таким образом акцент на конкретном грамматическом правиле либо лексико-семантической группе.

Библиографический список

1. Бурькина В. Г. Тексты периодических информационных изданий на занятиях по английскому языку в неязыковом вузе // Теория и практика образования в современном мире: материалы Междунар. науч. конф. СПб.: Реноме, 2012. С. 317–319.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.
3. Зайцева И.А. К вопросу о методике работы над художественным текстом на уроке РКИ // Молодой ученый. 2017. № 13. С. 556–560.
4. Корда О.А. Креолизованный текст в современных печатных СМИ: структурно-функциональные характеристики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 20 с.
5. Осетрова Е.В., Челушкина М.В. Лексика интенсивности на материале текстов-сценариев в медийной картине мира // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2016. № 2. С. 158–162.
6. Шибко Н.Л. Общие вопросы методики преподавания русского языка как иностранного: учебное пособие для иностранных студентов филологических специальностей. СПб.: Златоуст, 2014. 336 с.

ЭФФЕКТИВНЫЕ МЕТОДЫ И ПРИЁМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ГРАМОТНОСТИ В 5 КЛАССЕ

DEVELOPING OF READING LITERACY ON THE LESSON OF RUSSIAN LANGUAGE IN 5 GRADE

Д.Н. Сорокина

D.N. Sorokina

Текст, чтение, читательская грамотность, читательские умения, осмысление текста, инфографика, мотивация, приёмы, методы, стратегии.

Формирование читательской грамотности рассматривается как актуальное направление работы на уроках русского языка в современной школе. Описаны методы и приёмы формирования читательской грамотности, которые в процессе педагогической практики выявлены как наиболее эффективные.

Text, reading, reading literacy, reading skills, comprehension of text, infographic, motivation, techniques, methods, strategies.

In this article develops reading literacy is considered as an important direction of work on the lessons at school. The effective methods and ways of forming the reading skills found out by us are described here.

Понятие «читательская грамотность» появилось в 1991 г., когда IEA (Международная организация оценки образования) искала понятие, определяющее чтение в функциональном контексте как возможность размышлять о прочитанном и использовать прочитанное для достижения личных и общественных целей, в первую очередь – для дальнейшего обучения [4].

Формирование читательских умений подразумевает использование учителем в процессе обучения определённых способов и приёмов работы с текстом, которые складываются в единую систему и позволяют обучающимся развивать 2 группы умений:

1. Умения, основанные на тексте: извлекать из текста информацию и строить на её основе простейшие суждения.

2. Умения, основанные на собственных размышлениях о прочитанном.

Итак, рассмотрим те методы и приёмы, которые, по нашему мнению, эффективны для формирования читательской грамотности у пятиклассников.

Прежде всего необходимо выбрать правильные методы работы. От этого во многом зависит успех учителя в достижении целей обучения. «Метод» (*греч. method – путь*) означает способ продвижения к истине; это упорядоченный способ деятельности по достижению учебно-воспитательных целей [2]. При формировании читательской грамотности учитель ставит учебную цель – развить у детей навыки чтения и воспитательную цель – помочь научиться использовать данные навыки для различных целей.

Первая группа методов, которая будет описана нами, – это методы организации и осуществления учебно-познавательной деятельности (по Ю.К. Бабанско-

му) [2]. По источнику восприятия и передачи информации мы используем следующие методы: а) словесные (рассказ, беседа, объяснение),

б) наглядные (демонстрация, иллюстрация), в) практические (упражнения, лабораторные и практические работы). Их комплекс является фундаментальным для развития УУД.

Вторая группа методов – это методы стимулирования и мотивации учебно-познавательной деятельности. К ней относятся познавательные игры, дискуссии, а также создание эмоционально-нравственной ситуации.

Третья группа методов подразумевает методы письменного (контрольные работы, зачёты) и устного контроля (опрос, самоконтроль).

В своей педагогической практике мы выявили технологию, которая сочетает в себе данные методы и помогает не только эффективно работать с информацией, но и повышает мотивацию обучающихся к познанию и дальнейшей работе. Такая технология называется инфографика.

Инфографика – техника представления информации в графической форме с целью сжато представить учебный материал с опорой на образное мышление; она помогает упорядочить информацию, создать целостную картину и отыскивать новые ассоциации [1]. Она может быть представлена в различных формах: комикс, коллаж, схемы, таблицы, алгоритмы, интеллектуальные карты. По инфограммам мы часто повторяем учебный материал, актуализируем знания, полученные на предыдущем уроке. Сделанные учениками инфограммы висят на доске и сменяют друг друга в зависимости от темы урока.

В результате систематического использования данной технологии мы достигли повышения следующих показателей:

1. *Предметные результаты*: наличие теоретических знаний.

2. *Метапредметные результаты*: умеют переводить многоаспектную информацию из текстового вида в графический и наоборот; систематизировать извлечённую информацию; делать оценочные выводы (отбирать алгоритмы и объекты по заданным критериям для применения в конкретной ситуации).

3. *Личностные результаты*: способны организовывать учебное сотрудничество и совместную деятельность с учителем и сверстниками.

И самое главное, дети действительно лучше запоминают материал, что подтверждается результатами обратной связи, а также результатами контрольных срезов и теоретических опросов.

Выбрав основные способы работы, учитель определяет и некоторые дополнительные пути действия, которые направлены на то, чтобы избранные способы дали наилучшие результаты. В соответствии с методом учитель выбирает приёмы, которые будут входить в состав различных методов обучения и использоваться с целью повышения эффективности метода. Приём – это составная часть метода, отдельный шаг в его реализации.

Так как мы говорим о читательской грамотности, мы опишем те приёмы, которые используются учителем при обучении видам чтения (просмотрового, поискового, ознакомительного, изучающего).

Одним из более эффективных приёмов углубления понимания текста является самопостановка вопросов. С помощью вопросов школьники учатся осознавать логическую структуру текста, выделяя в нём главное. Более качественному восприятию способствуют такие приёмы как инсерт (выделяем интересные детали/указанную информацию), сопоставление с примерами, иллюстрациями, приведение учениками собственных примеров (кто больше?) – это же задание возможно и в группах. Интерес вызывают приёмы, которые помогают учащимся самостоятельно вести диалог с автором по ходу первичного чтения. Например, приём «сигналы» используется, чтобы организовать активный «диалог» между автором и учеником (читателем): В – вопрос (найди, задай), О – ответ (попробуй дать на этот вопрос), П – проверка (проверь точность своих предположений именно в этом месте текста), З – зеркало (включи воображение, не торопись читать, загляни в «волшебное зеркало»). Развитию внимания и грамотности, осмысленности чтения помогают различные составления словарей на предложенные темы. Например, при изучении темы «Орфоэпия» в 5 классе или при изучении лексики ограниченного употребления в 6 классе учащимся предложено составить тематические словари.

Итак, система данных методов и приёмов эффективна при формировании читательской грамотности у пятиклассников:

а) они интересны обучающимся, а следовательно, повышают мотивацию к дальнейшему изучению материала;

б) чтение становится осознанным процессом освоения текста, в результате которого развиваются различные УУД;

в) навыки чтения формируются в процессе работы с текстами различной сложности и тематики.

Библиографический список

1. Винеvская А.В., Стоценок И.А. Педагогические технологии: вопросы теории и практики внедрения. Справочник для студентов. Ростов н/Д: Феникс, 2014. 253 с.
2. Журавлёва О.П., Михалёва Л.П. Педагогика: учебное пособие (конспекты лекций для студентов педагогических вузов)/ Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2014. 172 с.
3. Эффективные приёмы формирования читательских умений на уроках русского языка. URL: <https://infourok.ru/vistuplenie-na-seminare-effektivnie-priyomi-formirovaniya-chitatelskih-umeniy-na-urokah-russkogo-yazika-1100540.html>
4. PIRLS. Основная информация об исследовании PIRLS. URL: https://koiro.edu.ru/activities/monitoringovye-issledovaniya/mezhdunarodnye/INFO_PIRLS.pdf

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕСЕННОГО МАТЕРИАЛА ПРИ РАЗРАБОТКЕ ПОСОБИЙ ПО ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЮ

USE OF THE SPRING MATERIAL FOR THE DEVELOPMENT OF HANDBOOK ON LINGUISTIC-TREATMENT

У.В. Сквородкина

U.V. Skovorodkina

Научный руководитель И.В. Ревенко
Scientific adviser I.V. Revenko

Лингвострановедение, русский язык как иностранный, культура, язык, песня, адаптация, межкультурная коммуникация, Красноярск, Россия.

Раскрывается значение лингвострановедческого аспекта в практике обучения русскому языку как иностранному для формирования у обучающихся умений межкультурной коммуникации. Представлен анализ учебников по РКИ, затрагивающий лингвострановедческий аспект. Приведен пример работы с текстом песни «Мой Красноярск» группы Яхонт.

Linguistic-treatment, Russian as a foreign language, culture, language, song, adaptation, intercultural communication, Krasnoyarsk, Russia.

The article reveals the significance of the linguistic and cultural aspect in the practice of teaching Russian as a foreign language for the formation of students' skills in intercultural communication. The analysis of textbooks on RCTs, affecting the linguistic-cultural aspect, is presented. An example of work with the text of the song 'My Krasnoyarsk' of the group Yakhont is given.

Учебный принцип активной коммуникации, который является одним из ведущих в обучении иностранцев русскому языку, невозможен без лингвострановедческого аспекта обучения. Лингвострановедение – направление, с одной стороны, включающее в себя обучение языку, а с другой – дающее определенные сведения о стране через изучаемый язык.

Под этим термином, по мнению Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, «следует понимать такую организацию изучения языка, благодаря которой иностранцы знакомятся с настоящим и прошлым народа, с его национальной культурой через посредство языка и в процессе овладения им» [2, с.7].

Практика преподавания РКИ доказала невозможность «адекватной» коммуникации на изучаемом языке, если этот язык изучается в отрыве от выражаемой им национальной культуры, истории, повседневной жизни.

«Использование страноведческой информации в учебном процессе обеспечивает повышение познавательной активности иностранных учащихся, активизирует их коммуникативные возможности, благоприятствует созданию положительной мотивации на занятиях, дает стимул к самостоятельной работе над изучаемым языком» [4, с. 145].

Основной задачей лингвострановедения становится изучение таких единиц языка, которые отражают национальную специфику культуры народа. «Предме-

том лингвострановедения является специально отобранный языковой материал, обладающий высокой страноведческой и коммуникативной ценностью, значимостью для процесса обучения» [1, с. 86].

Лингвострановедение рассматривает вопросы, связанные с речевым (речевой этикет, использование безэквивалентной и неэквивалентной лексики, фразеологизмов и т. д.) и неречевым поведением (традиционные жесты, особенности манер), характерным для носителей языка в определенных ситуациях общения.

Страноведческая информация подлежит извлечению из естественных форм языка и из учебных текстов. Проблема используемых сейчас учебников состоит в том, что не всегда лингвострановедческая информация представлена в них в необходимом объеме.

В учебнике «Поехали!» лингвострановедческий аспект представлен широко. Автор знакомит обучающихся со страной, культурой, традициями носителя языка. В учебнике содержится информация только об одном городе России (о Санкт-Петербурге). Такая информация не дает достаточного представления о стране в целом.

В учебнике «Русский язык: 5 элементов» содержатся интересные тексты и диалоги, но информация, представленная в них, не знакомит обучающихся с такими особенностями культуры, как праздники, достопримечательности, кухня, обычаи. Упоминание об особенностях страны изучаемого языка встречается лишь один раз в таком тексте: «Я живу в городе на Неве, мой брат живет в городе на Москва-реке, а наши родители живут в городе на Волге. Это значит, я живу в Петербурге, мой брат – в Москве, а родители – в Угличе» [7, с. 308].

Подобная ситуация характерна и для других учебных пособий по РКИ, изданных в центральных издательствах. Резюмируя, можно отметить, что лингвострановедческая информация в учебных пособиях для иностранцев дана в общем виде, авторы рассказывают только о крупных городах России.

Тем не менее в регионах России наблюдается приток иностранных студентов. Ряд крупнейших региональных вузов (Уральский ГУ, Дальневосточный ГУ, Тюменский ГУ, Томский ГУ, СФУ, КГПУ им. В.П. Астафьева и др.) занимаются обучением иностранцев, поэтому необходимо создавать пособия, связанные с местом пребывания студентов.

Для использования лингвистической информации можно применять разные каналы ее передачи. Многими методистами высоко оценена эффективность использования в преподавании РКИ песенного материала.

«Песня на изучаемом языке может быть средством формирования социокультурного и лингвистического компонента языковой личности студента, развития его эмоциональной сферы, памяти, речевых навыков» [3, с. 155].

Мы предлагаем задания, разработанные на основе песенного материала (песня группы Яхонт «Мой Красноярск»). Работа с песенным материалом включает несколько этапов.

На первом этапе мы слушаем песню, работаем с текстом песни (вставляем пропущенные существительные) и обсуждаем его (Про что песня? Какие эмоции вызвала песня?)

На втором этапе предполагается подключение визуальной информации (просмотр клипа на песню). Это необходимо для проведения лексической работы. Так, при выполнении задания «Подобрать эпитеты к слову Красноярск» видеоряд клипа выступает как опора.

На основе аудиовизуального материала могут быть проведены и задания по говорению. Так, например, мы предлагаем обучающимся составить монологическое развернутое высказывание описательного характера при ответе на вопрос: «Каким город Красноярск показан в клипе?» Лексическая работа предполагает не только расширение словарного запаса обучающихся, но и знакомство с устойчивыми выражениями. В тексте песни есть ряд таких выражений: «всюду и везде», «раствориться в толпе» и др. Выражение «всюду и везде» можно объяснить, используя географическую карту (показываем, где находится Санкт-Петербург, Находка, Караганда = во всех местах, во многих местах).

Текст песни «Мой Красноярск» имеет также определенный грамматический потенциал. В тексте используются местоимения и наречия. Употребление притяжательных местоимений в речи вызывает определенные трудности у иностранных студентов, поэтому на третьем этапе мы предлагаем задания по использованию притяжательных местоимений: вставьте недостающие притяжательные местоимения (например, это мой город, моя мама, мое окно).

Путь к пониманию текстов лингвострановедческого содержания лежит через активную работу с обучающимися посредством пособий. Благодаря ее продуманному и систематическому характеру учебный процесс станет более эффективным и привлекательным для иностранных студентов, изучаемый материал заинтересует обучающихся и в перспективе создаст устойчивую мотивацию к изучению, достижению полного и адекватного понимания русского языка.

Библиографический список

1. Абазова Л.М., Джанхотова З.Х. Особенности введения лингвострановедческого материала на начальном этапе обучения РКИ // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 7 (49) Часть 2. С. 86–91. URL: <https://research-journal.org/languages/osobennosti-vvedeniya-lingvostranovedcheskogo-materiala-na-nachalnom-etape-obucheniya-rki/> (дата обращения: 23.04.2018.).
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990.
3. Воробьева Е. В. Использование песенного материала в формировании лингвистической и социокультурной компетентностей у будущих учителей иностранного языка // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 15. С. 154–157.
4. Толстова Н. Н. Модель занятия по РКИ на основе песни // Молодой ученый. 2016. № 3. С. 923–928. URL <https://moluch.ru/archive/107/25564/> (дата обращения: 24.04.2018).
5. Федотова Н.Л. Методика преподавания русского языка как иностранного (практический курс). СПб.: Златоуст, 2013. 192 с.
6. Чернышов С.И. Поехали! Русский язык для взрослых. Начальный курс. СПб.: Златоуст, 2009. 280 с.
7. Эсмантова Т.Л. Русский язык: 5 элементов. Уровень А1 (элементарный): учебник. СПб.: Златоуст, 2008. 320 с.

ЭТИКЕТНЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕСТОИМЕНИЙ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

LABEL ASPECTS OF THE FUNCTIONING OF LOCATIONS IN RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

Жун Кунь

Rong Kun

Научный руководитель **И.В. Ревенко**
Scientific adviser I.V. Revenko

Речевой этикет, местоименные системы русского и китайского языков, личные местоимения, этикетные формы общения.

Рассматривается вопрос функционирования личных местоимений в этикетных формах общения. На основе сопоставления местоименных систем двух языков выявляются их сходные черты, проявляющиеся в общности способа отображения объективной действительности, функций, основных разрядов. Автор акцентирует внимание на использовании личных местоимений Ты, Вы в официальном и неофициальном общении.

Speech etiquette, pronominal systems of Russian and Chinese languages, personal pronouns, etiquette forms of communication.

The article deals with the functioning of personal pronouns in etiquette forms of communication. On the basis of comparison of pronominal systems of two languages, their similar features are revealed, manifested in the generality of the way of mapping objective reality, functions, main categories. The author focuses on the use of personal pronouns You, you in formal and informal communication.

Для современного мира характерно расширение межнациональных контактов. В лингвистике в связи с этим возникло новое направление – межкультурная коммуникация, важным аспектом которой является речевой этикет, который определяют как «систему устойчивых формул общения, предписываемых обществом для установления речевого контакта собеседников, поддержания общения в избранной тональности соответственно их социальным ролям и ролевым позициям относительно друг друга, взаимным отношениям в официальной и неофициальной обстановке» [4, с. 65].

Каждый народ создал свою систему правил речевого поведения. «Современный этикет наследует обычаи и традиции практически всех народов – от глубокой древности до наших дней» [3, с. 9]. Как показывают исследования китайских и российских лингвистов, в русской речи китайцев наиболее частотные и стойкие ошибки допускаются именно в области речевого этикета. Они вызваны несовпадением моделей речевого поведения в этикетных ситуациях в обоих сообществах.

На наш взгляд, Россия – одна из стран, где традиции и ритуалы соблюдаются очень строго. В российском обществе особую ценность представляют такие качества, как тактичность, предупредительность, терпимость, доброжелательность, выдержанность. Культура Китая относится к восточному типу и поэтому специфична относительно культуры российской.

«Местоименные системы в разных языках являются закрытыми множествами знаков определенного типа. Так, личные местоимения представляют собой систему лексических единиц, служащих для классификации действительности на три типа бытийных сущностей по их отношению ... к говорящему: 1 л. указывает на говорящего, 2 л. указывает на того, к кому обращена речь говорящего, 3 л. указывает на лицо или предмет, которые не являются ни говорящим, ни адресатом» [2, с. 155].

Сравнение местоименных систем в русском и китайском языках, проведенное З.Ф. Юсуповой и Ю. Люй, позволило ученым сделать следующие выводы:

1. В обоих языках местоимения (代词 Dài cí) являются знаменательными словами. «Они обладают прономинальным способом отображения объективной действительности и этим признаком очень чётко отграничиваются от остальных знаменательных частей речи» [5]. 2. Местоимения в русском и китайском языках выполняют заместительную функцию: употребляются вместо имени существительного, прилагательного, числительного, наречия.

3. По грамматическим признакам русские и китайские местоимения отличаются: в русском языке местоимение изменяется по падежам (наиболее последовательно), родам, числам (с особенностями для отдельных разрядов). Китайские местоимения не изменяются.

4. Разряды местоимений в сопоставляемых языках практически совпадают. Выделяются: личные местоимения – 人称代词; возвратное местоимение 反身代词; притяжательные местоимения – 物主代词; вопросительные местоимения – 疑问代词; указательные местоимения – 指示代词; относительные местоимения – 关系代词; отрицательные местоимения – 否定代词; неопределённые местоимения – 不定代.

5. Наблюдаются расхождения в образовании и функционировании местоимений: например, в китайском языке иногда к личным местоимениям относят еще и 自己 ("сам", "сама"), оно употребляется вместе с другими местоимениями, например 我自己... ("я сам..."). При употреблении с существительными в единственном числе после указательного местоимения и перед существительным должно стоять счетное слово. Притяжательные местоимения в китайском языке образуются путем прибавления к исходному местоимению служебного слова 的 (de). Однако есть случаи, когда слово 的 (de) можно и не ставить: например, если существительное обозначает родственные связи (我妈妈 – моя мама), учителя (我老师 – мой учитель), соседа (我邻居 – мой сосед), друга (我朋友 – мой друг). В данных случаях постановка 的 не является ошибкой, а выполняет усилительную функцию, подчеркивает принадлежность. Также слово 的 не употребляется с существительным 国 – страна (когда китаец говорит 我国, то это чаще всего переводят как "Китай", т. е. дословно "моя страна") [5].

Очень показательными в плане речевого этикета являются формы Ты- Вы общения в русском и китайском языке. Категория субъективного пространства в русском и китайском речевом поведении допускает интимно-близкое обращение на Ты:

- 1) в семейном кругу; 2) в кругу родственников;
- 3) в кругу друзей; 4) в кругу коллектива в неофициальной обстановке.

В русском языке использование местоимения Ты при обращении к лицам старшего возраста допустимо лишь в кругу семьи. В отличие от русского языка, употребление Ты-форм в китайском языке частотно, допустимо в отношении к людям старшего возраста и лишь иногда используется форма Вы. По сравнению с русским, в китайском речевом этикете Вы-форма употребляется только в официальной обстановке. На «Вы» обращаются редко – только к малознакомым или пожилым людям. Дополнительно уважительное отношение к собеседнику может подчеркивать при помощи разных способов. Обращение «господин» или «госпожа» перед вашей фамилией говорит об особом уважении. Своё имя китайцы пишут после фамилии. Обращаться по имени принято только с родственниками и близкими друзьями.

Использование местоимений в этикетных формах в русском и китайском языках имеет как сходства, так и отличия, знание которых позволит сделать процесс общения более продуктивным.

Библиографический список

1. Завьялова А.А., Дай Чжаомин. Классификация вариантности местоимений в современном китайском языке // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 8. М., 2013. С. 166–169.
2. Кравченко А.В. Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск: Издательство Иркутского государственного университета, 2004. 206 с.
3. Михальчук Т.Г. Русский речевой этикет. Практикум: учебное пособие. Минск: Вышэйшая школа, 2016. 319 с.
4. Формановская Н.И. Культура общения и речевого этикета. М.: Икар, 2005. 2-е изд. 250 с.
5. Юсупова З.Ф., Ю Люй. Сопоставительно-типологический анализ местоимений в русском и китайском языках: лингвометодический аспект.

Сведения об авторах

БЕБРИШ Надежда Николаевна – доцент, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой современного русского языка и методики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (Красноярск); e-mail: nadejdanick2@mail.ru

Ветренко Александр Валериевич – магистрант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (Красноярск); e-mail: Al.vetrenko@mail.ru

ГАБОВА Ксения Игоревна – студентка 3 курса филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (Красноярск); e-mail: ksenia.igorevna0605@yandex.ru

ГОРДЕЕВА Елена Николаевна – магистрант кафедры современного русского языка и методики, КГПУ им. В.П. Астафьева (Красноярск); e-mail: 104ssm@gmail.com

ГОНТАРЕВА Альбина Игоревна – магистрант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (Красноярск); e-mail: albka_kaza@mail.ru

ЖУН Кунь – студентка 4 курса филологического факультета, направление подготовки Лингвистика, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; т. 8-983-293-72-98, e-mail: 1529812805@qq.com

ЗАГИДУЛИНА Татьяна Андреевна – ассистент кафедры русского языка и методики его преподавания, КГПУ им. В.П. Астафьева

ЗАХАРОВА Ирина Александровна – магистрант филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (Красноярск); e-mail: animewka3@mail.ru

КОВТУН Наталья Вадимовна – доктор филологических наук, профессор кафедры мировой литературы и методики её преподавания Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: nkovtun@mail.ru

КОКОУЛИНА Юлия Борисовна, магистрант I курса магистратуры филологического факультета, кафедра мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева; e-mail: Yulia_777_7@mail.ru

ЛИПНЯГОВА Светлана Геннадьевна – доцент, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: lipnjagova@list.ru

ЛУКЪЯНОВА Ольга Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева

НОВИЧЁНОК Ольга Вадимовна – студентка 5 курса филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (Красноярск); e-mail: 1524646489@qq.com

НОСКОВА Анастасия Андреевна – студентка 5 курса филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (Красноярск); e-mail: nskvnst@gmail.com

ОСЕТРОВА Елена Валерьевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка и методики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (Красноярск); e-mail: osetrova@yandex.ru

ПЕРВУНИНА Дарья Игоревна – студентка 5 курса кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: niconico446@gmail.com

РЕВЕНКО Инна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: inna.revenko@mail.ru

САДЫРИНА Татьяна Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: tsadyrina@list.ru

СКОВОРОДКИНА Ульяна Владимировна – студентка 5 курса филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (Красноярск); e-mail: lermontova00@bk.ru

СОРОКИНА Дарья Николаевна – студентка 5 курса филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

СТРЕЛКОВСКАЯ Янина Сергеевна – кафедры истории поэтики мировой литературы, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: yaska.popova@mail.ru

СУРГУТСКАЯ Юлия В. – студент кафедры русского языка и методики его преподавания, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: Julia-1995@list.ru

СУРОВЦЕВА Кристина Александровна – магистрант 1 курса филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: kris.surov@yandex.ru

ТРЕТЬЯКОВА Екатерина Валерьевна – студентка 32 группы филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: katerina24.97@mail.ru

УМИНОВА Наталья Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания Красноярского Государственного Педагогического Университета им. В.П. Астафьева; e-mail: umna2804@yandex.ru

ФИЛЬКОВА Виолетта Александровна – студентка 53 группы филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; т. 8-923-311-21-28; e-mail: violonchel.95@mail.ru

ХАСАНОВ Олег Анатольевич – аспирант кафедры мировой литературы и методики её преподавания Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; e-mail: oahev10@yandex.ru

Молодежь и наука XXI века

XIX Международный форум студентов,
аспирантов и молодых ученых

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТОРИСТИКИ

Материалы VIII Международной
научно-практической конференции
студентов, аспирантов и преподавателей

Красноярск, 25 апреля 2018 г.

Электронное издание

Редактор *Н.А. Агафонова*
Корректор *А.П. Малахова*
Верстка *Н.С. Хасанишина*

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 217-17-52, 217-17-82

Подготовлено к изданию 29.06.18.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 9,0